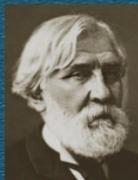
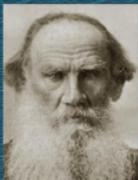

ЮРГЕН ЛЕМАН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГЕРМАНИИ

ВОСПРИЯТИЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКЕ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ
С XVIII ВЕКА
ДО НАСТОЯЩЕГО
ВРЕМЕНИ

Юрген Леман

**Русская литература в
Германии. Восприятие русской
литературы в художественном
творчестве и литературной
критике немецкоязычных
писателей с XVIII века
до настоящего времени**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42587229

*Русская литература в Германии Восприятие русской литературы
в художественном творчестве и литературной критике
немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени:
ISBN 978-5-907117-03-7*

Аннотация

Эта книга – первый масштабный обзор многостороннего творческого восприятия русской литературы немецкими поэтами, критиками и философами. Широта обзора – в книгу включены важнейшие факты рецепции русской литературы в Германии с начала XVIII века до настоящего времени – сочетается с

точностью и инновативностью анализа избранных, наиболее выразительных сюжетов, связанных с именами Райнера Марии Рильке, Томаса Манна, Бертольда Брехта, Анны Зегерс, Кристи Вольф, Пауля Целана, Генриха Бёлля, Томаса Бернхарда, Хайнера Мюллера. Внимание автора сконцентрировано не только на громких именах и значительных произведениях, но и на менее заметных, иногда полузабытых героях культурного трансфера и агентах литературного поля – переводчиках, критиках, издателях, общественных деятелях, университетских профессорах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами немецко-русских культурных связей.

Содержание

Русская литература в Германии	6
Предисловие к русскому изданию	6
1. Введение	9
Слова благодарности	31
Предварительные замечания	33
2. Рецепция и сближение до 1800 года	34
2.1. Первые контакты. От Киевской Руси до XVIII века	34
2.2. Немецкоязычный ареал и Россия в XVIII веке	40
Исторический контекст и пути культурного обмена	40
Россия и русская литература в немецкоязычных публикациях эпохи Просвещения	44
2.3. Основоположники историографии и философии истории: Шлёцер и Гердер	51
Август Людвиг Шлёцер	51
Иоганн Готтфрид Гердер	54
3. Осторожное сближение в области литературной критики и поэзии между 1800 и 1885 годами	59
3.1. Исторический контекст	59

3.2. Русская поэзия в немецкоязычной художественной и критической литературе в первые две трети XIX столетия	68
3.2.1. Русские посредники	68
Николай Карамзин	69
Василий Жуковский	70
Иван Тургенев	73
3.2.2. Немецкие посредники и источники сведений о русской литературе	78
3.2.3. Переводчики	81
Каролина Павлова	81
Вильгельм Вольфсон	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Юрген Леман

**Русская литература в
Германии Восприятие
русской литературы**

в художественном

**творчестве и литературной
критике немецкоязычных
писателей с XVIII века
до настоящего времени**

Русская литература в Германии

Предисловие к русскому изданию

Книга «Русская литература в Германии», над которой я работал с 2009 по 2015 год, представляет собой первый в на-

учной литературе систематический обзор более чем двухвековой истории восприятия русской литературы в творчестве немецких поэтов и писателей, философов и критиков. Свою задачу я видел в научном обосновании того факта, что произведения русских авторов имели для развития литературы стран немецкого языка не меньшее значение, чем опыт других национальных литератур – английской или французской, итальянской или испанской. Наряду с новыми главами в книгу включены и мои прежние научные работы на тему литературной рецепции, создававшиеся на протяжении нескольких десятилетий. Вышедшая в 2015 году в издательстве Мецлера в Штутгарте, книга была благосклонно воспринята читателями и высоко оценена критикой – резонанс, который позволил мне согласиться на русское издание. Я благодарен прежде всего Гёте-Институту в Москве, щедрая финансовая поддержка которого дала возможность перевести и издать книгу. То же касается и московского издательства «Языки славянской культуры», включившего книгу в свою программу. Я также благодарен Дирку Кемперу за помощь и организационную поддержку. Но прежде всего я благодарю своих друзей Наталию Бакши и Алексея Жеребина, за то что они взяли на себя сложную и долгую работу по переводу книги. Читая русский текст, я был поражен и счастлив тем, что они смогли перевести мою книгу с большим знанием дела и чуткостью, компетентно и в то же время стилистически элегантно.

Юрген Леман

1. Введение

«Я чувствую, что русские вещи – это лучшие имена и образы для моих чувств и откровений. И что с их помощью – когда я пойму их лучше, основательнее – я смогу выразить все то, что рвется во мне к ясности и звучанию». Рильке написал эти слова в письме Елене Ворониной 28 мая 1899 года, находясь под впечатлением от своей первой поездки в Россию. Перед нами одно из многочисленных свидетельств почти пожизненного интереса Рильке к русскому искусству и литературе, свидетельство духовного родства, связавшего его с «русскими вещами» и наложившего печать на его творчество, в особенности раннее. Наряду с этим приведенные слова Рильке – одно из множества аналогичных высказываний немецких поэтов, критиков и философов – показывают, насколько интенсивными, глубокими и многосторонними отношениями были связаны между собой культуры России и Германии. Они выразительно подтверждают тот факт, что восприятие русской поэзии имело для развития немецкой литературы не меньшее значение, чем творческая рецепция античности или произведений английских, французских, итальянских и испанских писателей.

Этот союз, для обеих литератур столь плодотворный и результативный, зарождается – если отвлечься от первых контактов, зафиксированных путешественниками, из которых

многие представляли себе Россию как страну варваров и необразованных крестьян, – в начале XVIII века с появлением переводов и литературной критики, укрепляется в первой трети века XIX благодаря многочисленным и разнообразным формам творческой рецепции и сохраняет свое значение до сегодняшнего дня. Во многих случаях соответствующие тексты дают примеры поразительно тесного родства и глубокого взаимного интереса, свидетельствуя о стремлении и способности их авторов к конструктивному диалогу в области литературной критики и эссеистики. Историко-литературное значение этого диалога подтверждается активным участием в нем выдающихся писателей обеих стран, таких как Василий Жуковский, Иван Тургенев, Борис Пастернак, Андрей Белый, Сергей Третьяков с русской стороны, и таких, как Райнер Мария Рильке, Томас Манн, Бертольд Брехт, Стефан Цвейг, Генрих Бёлль, Пауль Целан и Хайнер Мюллер с немецкой стороны. С особой выразительностью свидетельствуют об этом случаи личных контактов между русскими и немецкими писателями: встречи Тургенева с представителями немецкого «поэтического реализма», переписка Рильке с Мариной Цветаевой, сотрудничество Бертольда Брехта с Сергеем Третьяковым, беседы Михаила Шолохова с писателями из ГДР, такими как Анна Зегерс или Эрих Нейч.

Особое значение этих контактов проявляется в том, что творческое усвоение произведений русской литературы нередко стимулировало смену художественных парадигм в

истории литературы Германии. Это наблюдается и на уровне литературных эпох, и на уровне истории жанров, и по отношению к творчеству отдельных авторов. Так, невозможно представить себе становление реалистической и позднереалистической прозы в литературе стран немецкого языка, не принимая во внимание воздействия русского реализма. Такие разные авторы, как Теодор Фонтане, Мария фон Эбнер-Эшенбах и Леопольд фон Захер-Мазох, учатся у Ивана Тургенева, Герхарт Гауптман и молодой Томас Манн – у Льва Толстого и Федора Достоевского. На рубеже XIX–XX веков Толстой и Достоевский способствуют эпохальному сдвигу в истории литературы и культуры: именно благодаря им социокультурная проблематика, выдвинутая французским и немецким натурализмом, приобретает религиозно-философскую глубину и находит себе художественное оправдание. Так же и переход немецкоязычных авторов (Петер Альтенберг, Герман Бар, Артур Шницлер, Альфред Дёблин и др.) от натурализма к импрессионизму и экспрессионизму совершается в контексте русской литературы, под впечатлением от произведений Толстого и Достоевского, Всеволода Гаршина, Антона Чехова. Когда немецкие писатели, от Томаса Манна и Германа Гессе до Анны Зегерс и Кристи Вольф, решают для себя проблему личности как субъекта художественного творчества, когда они размышляют о границах авторской субъективности, ключевым автором, к которому они обращаются в своих исканиях, является До-

стоевский. Русская литература нередко входит в круг внимания немецких писателей именно в переломные моменты их творческой биографии: для Рильке русская поэзия и живопись становится на рубеже XX века ключом к новому пониманию поэтического образа; Томас Манн ищет у Достоевского ответы на мировоззренческие вопросы, мучавшие его в годы Первой мировой войны («Размышления аполитичного»); Бертольд Брехт создает концепцию «эпического театра» на основе длительного изучения театральных экспериментов Сергея Третьякова и теоретических трудов Константина Станиславского; Пауль Целан, мучительно переживший скандальное «дело Голля», открывает новые пути развития лирической поэзии, опираясь на опыт Осипа Мандельштама, почти отождествляя себя с его поэтической личностью; молодые поэты из ГДР – Райнер и Сара Кирш, Карл Микель, Эльке Эрб и другие представители «Саксонской школы» – находят свой поэтический голос в процессе интенсивного освоения традиции русского символизма, акмеизма и футуризма, в том числе благодаря переводческой практике; драматурги Фолькер Браун и Хайнер Мюллер раскрывают тему кризиса и крушения «реального социализма» с опорой на произведения Чехова, Федора Гладкова и Александра Блока.

В высшей степени плодотворным явилось обращение к русской литературе в жанре эссе. Целый ряд значительных произведений этого жанра, созданных такими немецки-

ми писателями, как Томас Манн, Стефан Цвейг, Георг Лукач, Вальтер Беньямин, а позднее Генрих Бёлль и Кристоф Мекель, посвящены русским. Доминируют две тенденции: с одной стороны, идеологическая и культурно-политическая апроприация, перекодировка (Томас Манн, Георг Лукач), с другой – тяга к фикционализации, к созданию литературных биографий, включающих элемент художественного вымысла (Стефан Цвейг, Генрих Бёлль, Кристоф Мекель). Эти примеры с особой очевидностью показывают, что творческая рецепция включает в себя не только усвоение новых тем, мотивов и художественных приемов, но и теоретическую переоценку личности и творчества русских писателей, вследствие которой возникают новые эстетические концепции, воплощенные в литературных текстах. Такой результат дает, например, соотнесенность в творчестве Германа Гессе его статей, посвященных Достоевскому, и романа «Степной волк», в творчестве Кристи Вольф – связь между ее интерпретацией Достоевского в книге «Чтение и письмо. Вера в земную жизнь» и ее концепции «субъективной аутентичности» в романе «Раздумья о Кристе Т.».

Следует отметить, наконец, и большое культурно-историческое значение эссеистики на русские темы, поскольку рецепция русских писателей входит нередко в контекст мировоззренческих концепций, подвергаясь, с одной стороны, их влиянию, а с другой – трансформируя и развивая сами эти идейные концепции. Первый пример рецепции такого рода

относится к середине XIX века, к переводческой деятельности Вильгельма Вольфсона, в чьих переводах явственно дает о себе знать «дух эпохи Гёте»; продолжением этой практики становится эстетизация славянофильства у Рильке, Томаса Манна и ряда других авторов; доминировать подобный подход начинает в период чрезвычайно интенсивного и разнообразного идеологического осмысления творчества Толстого и Достоевского, то есть в конце XIX и в первой трети XX века, а кульминации он достигает в процессе многопланового и противоречивого восприятия русской литературы в контексте диалектического и исторического материализма в XX веке – у общественных деятелей (Роза Люксембург) и философов (Георг Лукач), но также и у поэтов (Бертольд Брехт, Анна Зегерс, Сара Кирш и др.).

Рецепция такого рода особенно показательна, когда речь идет о некоторых вариантах трансформации литературных текстов, обеспечивающих их социополитическую актуальность в культуре переходных эпох, – тема, вызывающая подчеркнутое внимание современной культурологии (см. напр., работы Яна и Алейды Асман). Вопреки традиции XIX века с ее пониманием истории литературы как формы создания культурной идентичности народа и нации, история рецепции призвана маркировать прежде всего разрывы и переломные моменты в гомогенном и последовательном на первый взгляд развитии национальной культуры. Ее задача – высветить связь между степенью интенсивности и характе-

ром восприятия иностранной литературы и фазами кризисов и эстетической дезориентации в литературе принимающей. Рост влияния русских писателей, прежде всего Толстого и Достоевского, наблюдается именно в те кризисные периоды немецкой истории, когда возникала потребность в новых ценностях, когда рождались новые религиозные и философские дискурсы. Страстная заинтересованность, с которой воспринималась русская литература в 1900-е годы, воодушевление, с которым не только писатели, но и философы, социологи, теологи, психологи набрасывались на сочинения Достоевского, выявляют степень той духовной опустошенности и интеллектуального застоя, который испытывала Германия эпохи Вильгельма II. Вместе с тем именно в такие периоды подлинно диалогические и творчески продуктивные формы рецепции чаще всего подменяются безоглядным присвоением и инструментализацией иностранных текстов, невыносимо огрубленными, неуважительными, равнодушными к их эстетическим достоинствам интерпретациями. В особенности это относится к немецкой рецепции Достоевского в первой трети XX века. Стремление поставить чужой опыт на службу собственным интересам, обрести новые духовные ориентиры с опорой на русскую литературу, наблюдается в самых различных областях социальной жизни, проявляется в самых различных идеологических формах. Таковы, например, известные попытки критики культуры с крайне консервативных позиций (Меллер ван ден Брук, Освальд Шпен-

глер, Томас Манн) в «конце века» и после проигранной Первой мировой войны; таковы усилия заново создать идеологическую платформу для строительства социалистических общественных отношений после Второй мировой войны в ГДР (о том, что поиски такой платформы велись и в западно-германской философии, свидетельствует биография Достоевского, написанная в те годы Рейнгардом Лаутсом). Аналогичные попытки предпринимались и в области естествознания; так, психоанализ приобрел свои характерные черты благодаря размышлениям Фрейда над Достоевским.

Связи и отношения, возникающие из этой рецепции, отличаются большой сложностью, пути установления контактов запутаны и труднообозримы. История русско-германских отношений знает примеры громадного взаимного обогащения, но также и множество тяжелых недоразумений, глубокое взаимное непонимание. Нередко именно случаи наиболее интенсивной рецепции были обусловлены предрасудками и искажениями фактов и смыслов, отмечены острым противоречием между увлеченностью и страхом, воображаемой близостью и реальной чуждостью. Желанное преодоление дистанции между литературами России и Германии оборачивалось тогда ее невольным возрастанием, а любовь к «другому» – горьким сознанием ее неосуществимости. Особенно наглядным примером может служить в этом отношении рецепция русской литературы у Томаса Манна. Встречаются ситуации, когда контакты устанавливаются

при посредстве других литератур, например французской, как свидетельствует об этом история восприятия Тургенева, Толстого, Достоевского. Имеют место случаи, когда увлечение русской литературой приводит к диалогу между самими немецкоязычными авторами; так, благодаря обращению к Достоевскому вступают в контакт между собой Бёлль и Зегерс, а общий интерес к русскому акмеизму способствует встрече Ингеборг Бахман и Пауля Целана.

Средства и формы рецепции характеризуются большим разнообразием: это и переводы, филологически точные, как и вольные, поэтические, близкие к подражанию, это и структурообразующие интертекстуальные отношения (например, в новеллистике Марии фон Эбнер-Эшенбах или в «Волоколамском шоссе I–V» Хайнера Мюллера), и лирические тексты с посвящениями (напр., многочисленные стихотворения поэтов из ГДР посвящены Есенину или Маяковскому), и разнообразные варианты использования тем и мотивов, ведущих свое происхождение из русской литературы (напр., в романе Франца Кафки «Процесс» или в драме Томаса Бернхарда «Охотничье общество»). Как мы могли убедиться, чрезвычайно важной формой рецепции являются литературно-критические эссе и статьи. Многие из них, как, например, работа Вальтера Беньямина о Лескове, имеют большое теоретическое значение, другие, как например, очерки Стефана Цвейга и Германа Гессе о Достоевском, обнаруживают как высокое эстетическое качество, так и глубину историко-фи-

лософского содержания.

При всем тематическом и интенциональном многообразии русско-немецких литературных отношений в них различимы определенные константы, главные линии восприятия. В центре внимания находится ограниченный круг авторов: Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), Лев Николаевич Толстой (1828–1910), Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837), Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841), Иван Александрович Гончаров (1812–1891), Иван Сергеевич Тургенев (1818–1983), Антон Павлович Чехов (1860–1904), Максим Горький (1868–1936), Борис Пастернак (1890–1960), Осип Мандельштам (1891–1938), Александр Солженицын (1918–2008). Нередко личность автора вызывает больший интерес, чем его произведения. Во все периоды рецепции наблюдается склонность к восприятию русской литературы в первую очередь как источника сведений социально-политического и культурно-исторического характера при недостаточном внимании к художественной стороне воспринимаемых произведений. При этом на первый план выходит порой тенденция к подтверждению или обоснованию уже существующих, сложившихся в немецкой культуре образов России и русских (литература как отражение «русской души», «азиатского анимализма» и т. п.), к использованию таких «образов чужого» в качестве аргументов, способствующих созданию тех или иных мифологических и идеологических конструкций.

В первую очередь это относится к творчеству Достоевского. Инструментализаций такого рода не избегают и большие писатели, иногда использующие один и тот же материал в прямо противоположных целях. Так, в памфлете «Размышления аполитичного», написанном в годы Первой мировой войны, Т. Манн обращается к произведениям Достоевского для того, чтобы легитимировать свою идею «консервативной революции», а десятилетием позже он же в эссе «Гёте и Толстой» эту идею пересматривает и вновь использует для этого тексты Толстого.

Но элемент идеологизации присутствует и в тех случаях, когда художественная специфика русских произведений не выносится за скобки, а, напротив, привлекает к себе подчеркнутое внимание писателей. Так, именно интерес к проблеме взаимоотношения этического аспекта с эстетическим обуславливает обращение таких авторов, как Герман Гессе, Генрих Бёлль, Пауль Целан, Готфрид Бенн, Сара Кирш и Хорст Бинек, к творчеству тех русских писателей, которые представляют т. н. «лазаристскую традицию», то есть раскрывают тему страдания, унижения, изгнания и преследования. В этом ключе рассматривались произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Мандельштама, Ахматовой, Солженицына. Кроме того, немецкие писатели все снова и снова обращаются к творчеству забытых, недооцененных на родине или подвергшихся гонениям русских поэтов. Брехт отдает дань памяти своему другу и учителю Сергею Третьякову,

Целан вводит в немецкую поэзию стихи Мандельштама, своего «брата Осипа», Кристоф Мекель напоминает о значении несправедливо забытого Евгения Баратынского.

Каждый, кто обращается к истории русской литературы в Германии, Швейцарии или Австрии, вступает, таким образом, на обширную территорию, где еще немало белых пятен и многое нуждается в осмыслении и переоценке.

Отдельные эпизоды этой истории хорошо знакомы знаатокам, но неизвестны широкому читателю. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы хотя бы отчасти изменить эту ситуацию, представив панораму немецко-русских контактов во всей ее широте, во всем разнообразии ее содержания. Тем не менее избранная нами область исследования настолько обширна, что попытка осветить весь материал с исчерпывающей полнотой была бы ложной претензией; необходим был тщательный отбор наиболее показательных явлений. Даже создание истории одной национальной литературы – предприятие весьма сомнительное, требующее ясного понимания того, что как предмет, так и методы историографического описания неизбежно дают повод для множества критических замечаний. Это касается и отбора авторов, и оценки их произведений, и степени влияния культурно-исторического контекста, и проблемы периодизации, связанной с хронологическим распределением литературного материала. Еще больше вопросов такого рода вызывает история литературной рецепции, предполагаю-

щая, что в поле зрения оказываются одновременно две национальные литературы и отношения между ними. Соблюдение исторической последовательности в изложении историко-литературных фактов представляет в этом случае отнюдь не единственную трудность. Наряду с этим возникает необходимость принимать во внимание еще несколько аспектов анализа: диалогический, т. е. предполагающий изучение рецепции русской литературы как процесса ее творческого переосмысления; имагологический, т. е. раскрывающий обусловленность рецепции господствующим в ту или иную эпоху образом России; альтеративный, т. е. осмысляющий рецепцию как опыт усвоения и присвоения «другого» или «чуждого». Именно два последних аспекта в их взаимосвязи – опыт встречи с другой, чуждой культурой и экзотический образ «русского», одновременно привлекательный и отпугивающий, – с самого начала играют большую роль в процессе восприятия и оценки текстов русской литературы. Понятия, артикулирующие аспект чуждости, такие как «скифство» или «азиатчина», постоянно встречаются не только в записках путешественников XVI–XVII веков, но и в литературных текстах XX века, от Томаса Манна и Германа Гессе до Хайнера Мюллера. Нередко восприятие русской поэзии формируется под влиянием топических образов русской культуры и общества; выразительные примеры этого дает рецепция творчества Тургенева в конце XIX века и отдельные фазы рецепции Толстого в XX веке. Вместе

с тем заметной чертой немецкой рецепции всегда остается внимание к тем особенностям русской литературы, на которые в самой России внимания не обращали. Это касается, в частности, Достоевского, об этом же свидетельствуют работы Стефана Цвейга или Георга Лукача, в которых ставится вопрос о мировом значении русской литературы в свете восходящей к Гёте концепции «всемирной литературы» в связи с понятием «духовного товарообмена» между нациями и культурами.

Внимания заслуживают, далее, разнообразные формы трансфера: переводы, статьи, рецензии, письма, описания путешествий, а также лица и учреждения, осуществлявшие посредническую деятельность, – переводчики, критики, журналы, издательства и т. п. Особенно важны переводы, поскольку тексты русской литературы – в отличие от произведений на английском, французском, итальянском языках – не были доступны для большинства немецких авторов в оригинале, а исключения, такие как Рильке, Бергенгрюн, Целан, лишь подтверждают это правило; это меняется лишь в эпоху ГДР. Зависимость от переводов является одной из причин того факта, что русская литература воспринималась преимущественно на уровне содержания, внеэстетически, о чем свидетельствует, например, западная рецепция творчества Пастернака, которого знали почти исключительно как автора романа «Доктор Живаго», не имея представления о его гениальной лирике. В отдельных случаях переводы при-

обретали значение канона, десятилетиями предопределявшего интерпретацию того или иного произведения, того или иного автора, как это показывает, например, перевод романов Достоевского Разиным, вышедший в начале XX века в издательстве Пипера. Долгое время этот перевод оказывал влияние на представления немцев о языке и стиле русского писателя, закрывая доступ к пониманию таких его качеств, как диалогизм и полифония. Все эти аспекты мы стремились включить в нашу книгу, хотя не все могли быть освещены детально.

Наряду с переводчиками значительное место занимают в настоящей работе известные литературные критики и публицисты, решающим образом способствовавшие усвоению русской литературы в Германии. Так, молодой Фонтане познакомился с русской литературой – с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других – благодаря своему наставнику Вильгельму Вольфсону. Так, Гуго фон Гофмансталь и Томас Манн воспринимали творчество Толстого и Достоевского сквозь призму взглядов Дмитрия Мережковского, а Генрих Бёлль знакомится с разнообразными явлениями советской литературы 1960–1970-х годов с помощью своего друга Льва Копелева.

Данная работа задумана и написана как история рецепции, иными словами, речь идет о восприятии и творческом осмыслении русской литературы писателями, критиками и философами, о восприятии литературных текстов.

Лишь в этом контексте привлекаются и проблемы культурно-исторического характера. Аспекты имагологии занимают сравнительно небольшое место, в частности потому, что эта область хорошо освещена в изданиях, вышедших в рамках проекта «Западно-восточные отражения» («West-östliche Spiegelungen») под руководством Льва Копелева, Мехтильд Келлер и Герда Коэнена, а затем продолженных Карлом Аймермахером и Астрид Вольперт.

В некоторых случаях, когда отчетливые соответствия между текстами невозможно было подтвердить фактами взаимных контактов, мы прибегали к методу типологических аналогий. Таковы, например, очевидные, но не имеющие генетического подтверждения аналогии между новеллой Артура Шницлера «Смерть» и рассказом Толстого «Смерть Ивана Ильича», между новеллой Шницлера «Лейтенант Густль» и повестью Достоевского «Кроткая», между новеллой Томаса Манна «Паяц» и «Записками из подполья» Достоевского.

Что касается историографического подхода, то мы, не придерживаясь ни каузального, ни телеологического методов, сознательно ограничиваем себя дескриптивным изложением событий, составивших двухсотлетнюю историю рецепции русской литературы в странах немецкого языка – восприятия этой литературы, сближения с нею и ее усвоения. Этими тремя понятиями – восприятие, сближение, усвоение – охватываются как формы, так и фазы контактов с

иностранный культурой. Литературные эпохи, такие как романтизм, реализм, модернизм, не могли служить нам принципом организации материала потому, что в России и в Германии они не вполне совпадали и трактовались по-разному (особенно ясно это видно на примере романтизма). Общепринятые историко-литературные понятия – «реализм», «натурализм» и т. д. – использовались нами лишь в разделе 3.3. и в главе 4, где они обозначают литературные группировки, способствуя большей четкости изложения. По большим главам материал распределен в соответствии с фазами восприятия и сближения (главы 2 и 3), а также в соответствии с периодами, обнаруживающими наибольшую интенсивность усвоения, такими как рубеж веков, 1920-е годы, период между 1945 и 1989 годами в зоне советской оккупации, затем в ГДР и в немецкоязычных странах, находившихся западнее железного занавеса. Поскольку в ГДР история рецепции русской литературы отличалась особой широтой, при ее описании использовался, наряду с историческим, и жанровый подход.

Книга объединяет в себе главы обзорного характера с разделами, содержащими детальный анализ отдельных фактов творческого усвоения на примере значительных авторов и произведений. Тем самым мы стремились дать представление как о широте и многообразии, так и об интенсивности рецепции. Каждая из глав включает в себя краткое описание исторического контекста и способов трансфера фактов, по-

сколькy они имеют большое значение для понимания того, как зарождалась и трансформировалась культура рецепции под влиянием прессы, издательств, переводчиков. С другой стороны, и сама культура рецепции определяла, в свою очередь, формы трансфера и способы восприятия; например, процесс формирования канона под знаком концептов «русской души» и «русской сущности» нередко находил отражение в отборе переводимых текстов и авторов при составлении и издании антологий. Показательным примером релевантности социокультурных контекстов служит рецепция русской литературы в ГДР. Вот почему мы считали необходимым намечать в начале глав исторические горизонты ожиданий, включающие краткую характеристику социальных, культурных и историко-литературных условий восприятия. Они призваны способствовать лучшему пониманию количественных и качественных критериев, определявших процесс рецепции. Кроме того, эта вводная информация позволяет точнее показать место и функцию усвоения как особой формы рецепции в той или иной литературной системе. В частности, она дает возможность выявить характер и объем творческой трансформации произведений русской литературы в текстах немецких писателей, искавших в них не подтверждения готовых образов России, а новых средств художественной выразительности и образного воплощения реальности. Культурно-исторические обзоры важны к тому же и как попытка прочертить сквозные линии рецепции. Фраг-

менты, описывающие факты трансфера, роль отдельных лиц и институтов, не включают, однако, анализа литературоведческих публикаций и не претендуют на создание исчерпывающей полноты картины. Они лишь намечают различные пути рецепции (через издательства, переводческую практику и т. д.); более подробную информацию читатель найдет в заключающей книгу библиографии, а прежде всего в весьма основательной работе Фридриха Хюбнера, вышедшей в свет в 2012 году.

Центральную часть монографии образуют главы, посвященные тем авторам, чье творчество в наибольшей степени отмечено влиянием русской литературы (Райнер Мария Рильке, Томас Манн, Бертольд Брехт, Анна Зегерс, Криста Вольф, Пауль Целан, Генрих Бёлль, Иоганнес Бобровски, Томас Бернхард, Хайнер Мюллер, Кристоф Меркель, Инго Шульце и др.). Именно они, каждый по своему, дают наилучшее представление об объеме, характере, формах и функциях рецепции русской литературы в немецкоязычной поэзии и публицистике.

Различные процессы рецепции изучаются с опорой на такие понятия, как восприятие, сближение, перевод, обработка, усвоение, диалог, творческая рецепция, литературно-критическое осмысление. Эта терминология, используемая прежде всего в области рецептивной эстетики, в области исследования концептов «своего» и «чужого» и в теории интертекстуальности, далеко неоднозначна и может в разных

контекстах приобретать едва ли не противоположные смыслы. От методологического ее обоснования мы в рамках настоящей работы сознательно отказываемся.

Предметом данного исследования являются лишь письменные тексты, относящиеся к художественной литературе, эссеистике и литературной критике. Нами не рассматривались ни русские радиопьесы, ни кинофильмы (напр., экранизации «Анны Карениной» Толстого, «Доктора Живаго» Пастернака) и телефильмы (например, «Любовь Обломова» по роману Гончарова «Обломов»). Что касается примеров обратного воздействия немецкой литературы на русскую, то они приводились лишь в отдельных случаях. Это относится, например, к исторически первому примеру двойной рецепции – отклику Белинского на рецензию Карла Августа Фарнхагена фон Энзе, посвященную сочинениям Пушкина. Нечто подобное происходит и в тех чрезвычайно интересных случаях, когда те или иные смысловые аспекты в произведениях русского автора сначала привлекают внимание немецкой критики, а затем, лишь через ее рецепцию, осознаются и в самой России. Примеры такого рода встречаются в истории освоения творчества Достоевского, которая в обеих странах отличалась большой сложностью и изобиловала противоречиями.

Настоящая работа представляет собой итог многолетних занятий ее автора историей немецко-русских литературных связей. Его интерес к этой теме пробудился в школьные го-

ды, проведенные им в ГДР, окреп в годы учебы во Фрейбургском университете под руководством Вильгельма Леттенбауэра и в Москве под руководством Василия Кулешова, проявился в первых научных работах, написанных во время творческих командировок в Советский Союз и под влиянием многочисленных встреч с русскими друзьями и коллегами, среди которых были Лев Копелев, Илья Фрадкин, Александр Михайлов и многие другие. Как и всякая обобщающая работа историко-литературного характера, наша монография была бы немыслима без опоры на обширную научно-исследовательскую литературу по избранной теме, которая представлена в библиографии. Это и теоретические работы (Рейснер 1962; 1988; Вегнер 1968; Алексеев 1974; Раммельмейер 1978; 1979), и культурно-исторические (Шлегель 1991), и исследования, посвященные отдельным историческим периодам или авторам (Кале 1950; Рейснер 1970; Грасхоф 1973; Гартман / Эггелинг 1998; Герик 2000; Шюнеман 2005; Шульц 2012). То же относится к составленному Вольфгангом Казаком обзору немецких переводов из русской литературы XX века, опубликованных в период с 1945 по 1990 год, к обзорным статьям Карлхайнца Каспера в журнале «Восточная Европа», посвященным литературе 1990-х годов, к уже упоминавшейся библиографии немецких переводов, составленной Фридрихом Хюбнером. Но прежде всего это относится к изданиям, вышедшим в рамках проекта «Русско-немецкие отражения», инициированного Львом Копелевым и про-

долженного Карлом Аймермахером и Астрид Вольперт. Разумеется, мы обращались также к многочисленным научным статьям и монографиям, посвященным изучению отдельных авторов, текстов или периодов рецепции. Многие из этих статей и монографий принадлежат немецким ученым, в особенности славистам из ГДР, таким, например, как Эберхард Рейснер, Хельмут Грасхоф, Ульф Леман, Герхард Цигенгейст и в первую очередь Франц Мирау, принимавший деятельное участие в создании этой книги как писатель и собеседник. Библиографический аппарат включает не все, а лишь основные источники, указания на которые даются в основном тексте книги в скобках (имя автора, год издания, страница). Отражая, как мы надеемся, современное состояние вопроса, библиография не претендует тем не менее на исчерпывающую полноту.

Слова благодарности

Такую объемную и сложную работу, как данная книга, невозможно было бы осуществить без всесторонней поддержки. Я признателен Кристофу Мекелю, Инго Шульце, Кате Петровской и Аннет Грёшнер за плодотворные беседы и важную письменную информацию. За конструктивные советы и критику я благодарен российским и немецким коллегам, в особенности Фрицу и Зиглинде Мирау, Наталье Бакши, Александру Белобратову, Хендрику Бирусу, Элизабет Шоре, Эрике Гребер, Дирку Кемперу, Алексею Круглову, Фреду Лёнкеру, Ларисе Полубояриновой и Алексею Жеребину. Действенную помощь мне оказало отделение германистики и компаративистики университета города Эрланген-Нюрнберг. В первую очередь хочу поблагодарить Изабелле Урбан за неутомимую работу по набору текста, а также Дирка Крецшмара, Кристину Любколь и Дирка Нифангера за содействие в получении финансовых средств для оплаты нелегкой работы моих увлеченных и находчивых помощников Изанне Дикенхерр, Даниэля Хугманна и Йенса Фойринга, «добывавших» для меня книги. Йенсу Финку я выражаю благодарность за тщательное редактирование текста.

Огромное спасибо д-ру Оливеру Шютце из издательства Metzler-Verlag за терпение, заинтересованность и конструктивные советы в процессе издания книги, а также обществу

VG Wort¹ за щедрую субсидию на типографские расходы. И в завершение хочу поблагодарить мою супругу за ее критические и вдохновляющие замечания и моего сына Мануэля за помощь в оформлении текста.

¹ Общество по коллективному управлению авторскими и смежными правами.

Предварительные замечания

При первом упоминании немецкого произведения, как правило, сначала приводится его название, переведенное на русский язык, а затем в скобках – оригинальное название.

Русские имена приводятся без отчеств, при многократном упоминании – в первую очередь это относится к Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому – как правило, называется только фамилия. Если фамилия Толстой не сопровождается именем и отчеством или инициалами, то всегда имеется в виду Лев Николаевич Толстой. Если речь идет об Алексее Николаевиче Толстом и Алексее Константиновиче Толстом, то указываются имя и отчество.

В конце книги помещена выборочная библиография, которая наряду с обзорными историческими и литературно-историческими трудами и библиографическими указателями содержит 775 наименований работ, посвященных рецепции русской литературы в немецкоязычном ареале. Сначала приведены работы более общей направленности, а затем сочинения, посвященные творчеству отдельных русских авторов, попавших в фокус рецепции.

В отличие от большинства литературно-исторических работ в настоящей книге в ссылках указываются только фамилия автора и год издания. Более подробная информация в ссылках не приводится, чтобы облегчить чтение текста.

2. Рецепция и сближение до 1800 года

2.1. Первые контакты. От Киевской Руси до XVIII века

Первые политические и экономические контакты между немцами и русскими устанавливаются не позднее чем во времена Средневековья, письменно они зафиксированы в хрониках, например в Хронике Дитмара или в Лифляндской рифмованной хронике, в путевых заметках, а также в ранних литературных памятниках на русском языке. Так, в самом значительном произведении древнерусской литературы – «Слове о полку Игореве» – упоминаются немцы в Киеве, которые вместе с русичами и другими народами восхваляют великого князя Киевского Святослава и оплакивают военное поражение, которое в 1185 году потерпел от половцев Новгород-Северский князь Игорь. Крупные южно-немецкие ремесленные и торговые центры, такие как Нюрнберг и Аугсбург, уже в Средние века завязывают с Россией торговые отношения. Северорусские города – Новгород, Смоленск и Псков – поддерживают со времени позднего Средневековья иногда напряженные, но тем не менее успешные экономиче-

ские отношения с Германской империей, а немецкие ганзейские города, например Любек, – с Русским государством, вопреки различным препятствиям и конфликтам, которые были обусловлены в том числе миссионерскими и колонизаторскими устремлениями Германского Ордена. Уже в Средние века Россию объезжали уполномоченные германского кайзера, и первые серьезные сведения о Русском государстве сообщали купцы или дипломаты, например Сигизмунд фон Герберштейн (1485–1566), посетивший Россию дважды, в 1516–1518 и в 1526–1527 годах. В своих «Записках о Московии» («*Regum Moscoviticarum Commentarii*»), которые увидели свет в 1549 году и благодаря переводам на английский, французский и итальянский языки стали известными по всей Европе, Герберштейн подробно описывает не только географические, социальные, религиозные и административные особенности России, но и русский язык, а также литературные памятники, такие как летописи, церковные тексты и т. п. Кроме того, «Записки» содержат в общем и целом верную карту России и план Москвы. Этот документ, который вплоть до XVIII века был объектом пристального внимания в Европе, пережил большое количество переизданий. Многочисленные тексты о России, которые появились в раннее Новое время, основывались на труде Герберштейна (Poljakov 1999: 25 ff.).

С начала XVI века, после двухсот лет татаро-монгольского ига, становятся все более интенсивными контакты в

экономической и военно-технической сферах. На службе у Русского государства состоит большое число ремесленников и военных экспертов, приглашенных в Россию Иваном Грозным (1533–1584), который одержал одну из своих важнейших побед – взятие Казани в 1552 году, в том числе благодаря немецким взрывотехникам. Не позднее чем в XVII веке немецкие университеты Ростока, Грайвсвальда, Йены, Франкфута-на-Одере и Виттенберга становятся центрами исследований русской культуры, теологии и языка, о чем свидетельствует, например, изданный в 1665 году труд Иоганна Шваба «*Cirkov Moskovskij*», в котором наряду с теологическими аспектами освещаются и филологические (Zeil 1994:17). Немного позднее предпринимаются и первые серьезные попытки сделать русский язык доступным для изучения в немецкоязычном регионе (грамматика русского языка «*Grammatica Russica*» Генриха Вильгельма Лудольфа, 1696). С XVI века появляются многочисленные путевые заметки и листовки, например во время Лифляндской войны (1558–1583); только во второй половине XVII века в Восточной и Северной Европе было напечатано более семидесяти таких сочинений. Даже если в них рисовался не всегда объективный, часто отрицательный образ России (Kappler 1985), знакомство с ними очень важно, т. к. они подготовили почву для интенсивного и глубокого интеллектуального обмена между Восточной Европой, с одной стороны, и Центральной, Западной и Северной Европой – с дру-

гой.

Выдающимся образцом этого жанра с точки зрения полноты сведений, литературного достоинства и силы воздействия является «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» Адама Олеария («Offt beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise», 1647), особенно второе, дополненное издание («Vermehrte Newe Beschreibung Der Muscowitischen und Persischen Reyse», 1656). В 1633–1636 годах Олеарий участвовал в путешествии через Россию и Персию в качестве секретаря посольства герцога Гольштейн-Готторпского. С 1633 по 1643 год он трижды побывал в России. Олеарий был первым немецким литератором (он состоял в «Плодоносном обществе»), который много писал о России. Из шести книг его «Описания» прежде всего третья содержит подробные сведения о России и жизни русских людей (об истории, государственном устройстве, населении, уровне образования, религии, климате, топографии и т. п.), дополненные многочисленными иллюстрациями и детальной картой России, которая – в особенности карта Поволжья от Новгорода до Астрахани – до XVIII века считалась самым надежным картографическим документом данного региона. Правда, необычайно полный и подробный отчет Олеария все же не всегда достоверен, так как Олеарий не владел в достаточной мере русским языком. Кроме того, «Описание» не лишено предрассудков, в частности в нем встречаются отрицательные клиширован-

ные образы: русский человек как необразованный варвар, пьяница и т. п. (Liszowski 1985). С другой стороны, «Описание» благодаря своим литературным достоинствам и стихам о России барочного поэта Пауля Флеминга может считаться первым значительным произведением литературы, посвященным России.

Многokrатно переизданное (Fechner 2012, S. 201 f.) и вскоре переведенное на голландский, французский, английский и итальянский языки «Описание» Олеария представляет особый интерес еще и потому, что оно послужило отправной точкой и основой для целого ряда литературных описаний России. Так, очевидно, что главы «Симплициссимуса» («Der abentheuerliche Simplificissimus Teutsch», 1668) Г. Я. Гриммельсгаузена, действие которых происходит в России, базируются на тексте Олеария, Гёте и Шиллер также обращались к «Описанию», собирая сведения о России (например, Шиллер для пьесы «Деметриус»).

Тема России появляется в литературе периода барокко не только благодаря Гриммельсгаузену. При этом речь идет не об интересе к русской литературе, которая в тот момент лишь зарождается, а о том двойственном представлении, которое формируется о стране и ее жителях: с одной стороны, встречается восходящий к античной идиллии образ мирных сельских жителей, с другой стороны, русские предстают в образе варваров, скифов – Россия отождествляется со Скифией, а ее жители воспринимаются как воплощение чужого,

незнакомомого и опасного начала, например в стихах Иоганна Клая или Симона Даха.

Первый литературный образ России, заслуживающий внимания, появился в творчестве барочного поэта Пауля Флеминга (1609–1640). Ученик Опица, он участвовал вместе со своим другом Олеарием в упомянутом путешествии по России, а полученные впечатления послужили основой для более чем пятидесяти стихотворений о России.

Наряду с панегириками у него присутствуют описания ландшафтов, людей и их деятельности, посредством которых он создает новый образ России в надежде «обнаружить в варварах что-нибудь неварварское». В первом большом стихотворении Флеминга о Новгороде («In Groß-Neugart der Reußen», М. DC XXXIV) русские представлены как мирные, живущие в гармонии с окружающим миром крестьяне и колонизаторы. При этом поэт конкретизирует топический пейзаж, обогащая его живыми наблюдениями, и создает такую форму поэзии на тему сельской жизни, которая, оставаясь абсолютно созвучной жанру идиллии (например, в плане стилизации природы как внеисторического, бесконфликтного пространства), в то же время опирается на личный положительный опыт соприкосновения с чужой культурой, представляет собой попытку его художественного осмысления.

2.2. Немецкоязычный ареал и Россия в XVIII веке

Исторический контекст и пути культурного обмена

Интерес к России усиливается в эпоху Просвещения. Петр I (правил с 1682 / 1689 по 1725) и его преемники, в первую очередь происходившая из немецкого княжеского рода Екатерина II (годы правления: с 1762 по 1796), посредством множества реформ открыли для России «окно» в Западную и Центральную Европу, что подчеркивалось основанием новой блестящей столицы – Санкт-Петербурга. Эти реформы сопровождались культурными акциями, которые ограничивали влияние православной церкви и способствовали быстрому развитию науки и искусства в творческом диалоге с западноевропейскими образцами. Ярким примером тому служит основание Российской академии наук (1725) и многочисленных высших учебных заведений, целенаправленная поддержка книгопечатания и реформа русского письменного и литературного языка. Все эти меры способствовали становлению в России художественной литературы, ключевыми фигурами которой стали автор сатири-

ческих произведений Антиох Кантемир (1709–1744), ученый и поэт Михаил Ломоносов (1711–1765), переводчик и реформатор стихосложения Василий Тредиаковский (1703–1769), поэт-классицист Александр Сумароков (1718–1777) и обладавший многогранным талантом Гаврила Державин (1743–1816), автор знаменитой оды «Бог» и стихотворения «Водопад». Внешнеполитически обезопасить открытую для Европы Россию должна была политика династических браков, в результате которой было установлено большое количество связей с немецкими княжескими домами, например с Прусским, Саксен-Веймарским и Вюртенбергским. Таким образом, Россия оказывала влияние на политические решения немецких княжеских домов вплоть до середины XIX века. Кроме того, Россия стала влиятельным игроком на центрально-европейской политической арене благодаря своему участию в различных военных коалициях, в частности в «Священном союзе» с Пруссией и Австрией. После военной кампании против Османской империи, удачно окончившейся для России взятием крепости Азов (1696), и победоносно завершённой Северной войны (1700–1721), которая наконец дала выход к Балтийскому морю, Российское государство в начале XVIII века сменило Швецию и Польшу, которые до тех пор были самыми влиятельными державами в Северной Европе. В результате разделов Речи Посполитой Россия расширяет свою территорию на Западе и превращается в непосредственного соседа Австрии и Пруссии. Одновременно с

этим Российская империя в результате победы в Семилетней войне усиливает свое влияние в немецкоязычном ареале, как военное, так и дипломатическое: российские войска продвигаются до Берлина, а российское правительство берет на себя роль посредника между Пруссией и Австрией (например, при заключении Тешенского договора в 1779 году). В этой роли оно не раз будет выступать и в XIX веке.

Реформы и в особенности усиление политического влияния России во время правления Екатерины II имели многочисленные последствия для культурных связей между обеими странами. Отношение к России меняется, оно отмечено любопытством и жадной как можно больше узнать про нее, с одной стороны, и страхом перед мало предсказуемым огромным соседом – с другой. Соблазнившись заманчивыми предложениями, в Россию из стран немецкоязычного ареала устремляется огромное количество специалистов, часть из которых со временем займет влиятельные посты в сфере военного дела, управления, экономики, промышленности и образования. Показательна в этом смысле биография Эрнста Иоганна Бирона, фаворита Анны Иоанновны (1730–1740), который фактически управлял Россией. В Российской академии наук в первые десятилетия ее существования наблюдалось преобладание немецких ученых, среди первых 107 членов Академии было 48 немцев.

Одновременно российское правительство предпринимает целенаправленные действия, с тем чтобы расположить

общественное мнение Европы в пользу России. При помощи состоявшего на службе у Петра I Генриха Гюйсена к пропаганде взглядов российского правительства за границей привлекаются немецкие представители культуры, науки и журналистики. Начиная с эпохи Петровских реформ Россия становится объектом деятельного интереса ключевых фигур немецкого искусства, науки и теологии, например таких немецких пиетистов-гернгутеров, как Герман Франке и Эрнст Глюк.

Из немецких ученых и философов необходимо упомянуть в первую очередь Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). С 1668 года он изучал славянские языки и историю славянских народов и первым среди немецких мыслителей серьезно задумался об отношениях между Европой и Россией. Последней он отводил роль главного посредника между Европой и Азией. В период между 1711 и 1716 годами Лейбниц четыре раза встречался с Петром I и, кроме того, направил ему огромное количество писем и докладных записок, побуждавших царя к продолжению политических и общественных реформ. Порывая с предшествующей традицией, Лейбниц представляет Россию не как страну варваров, а как способный к культурному развитию социальный организм. В соответствии с этим Лейбниц предлагает Петру I планы по реорганизации государственного аппарата и учреждению Академии наук. Позицию Лейбница разделяли многие немецкие просветители, которые с любопытством и

интересом смотрели на огромную неизведанную державу на Востоке, а после реформ Петра I и Екатерины II считали, что эта страна имеет колоссальный потенциал развития и у нее большое будущее. Такое отношение к России можно снова наблюдать полтора века спустя, несмотря на то что идеологические предпосылки к тому времени меняются, переходя практически в свою противоположность.

Россия и русская литература в немецкоязычных публикациях эпохи Просвещения

В соответствии с повышенным интересом к России, информация о стране и людях, которая появляется в начале XVIII века в немецкоязычной публицистике, например в журналах «Acta eruditorum», «Europäische Fama», «Curieuses Bücher-Cabinet», становится все более подробной, разносторонней и точной, а ее оценки более дифференцированными. Во второй половине XVIII века просветительскую функцию перенимают «Гёттингенские ученые ведомости» («Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen»), «Еженедельные новости» Антона Фридриха Бюшинга («Wöchentliche Nachrichten»), «Немецкая библиотека» («Bibliothèque Germanique») и «Новая немецкая библиотека» («Nouvelle Bibliothèque Germanique»), «Всеобщая немецкая библиотека» Фридриха Николаи («Allgemeine

deutsche Bibliothek»), «Немецкий Меркурий» Кристофа Мартина Виланда, «Немецкая хроника» Кристиана Фридриха Даниэля Шубарта («Deutsche Chronik») и «Всеобщая литературная газета» («Allgemeine Literaturzeitung»). Также необходимо упомянуть исторический журнал под редакцией Герхарда Фридриха Миллера «Собрание российских историй» («Sammlung Rußischer Geschichte»), девять томов которого вышли в период с 1732 по 1764 год.

В области документальной литературы тема России нашла свое отражение в дневниках, биографиях и путевых заметках, авторы которых под впечатлением от Петровских реформ и изданных в России жизнеописаний Петра I писали о российском самодержце и его стране. Эту тенденцию хорошо иллюстрируют «Донесение о современном состоянии Московского царства» Кристиана Штифа («Relation von dem gegenwärtigen zustande des Moscovitischen Reichs», 1706) и, конечно же, записки Фридриха Кристиана Вебера «Преображенная Россия» («Das veränderte Rußland»), первый том которых вышел в 1721 году в Ганновере. Вебер, проживший в Санкт-Петербурге с 1714 по 1719 год, был решительным сторонником Петровских реформ. В форме дневниковых записей, дополненных различными документами, он доносит до читателей детальную и точную картину страны и происходящих в ней стремительных преобразований. Записки Вебера оказали серьезнейшее влияние на немецкую публицистику о России в первой половине XVIII века (Matthes 1987: 109 ff.).

Компетентным пропагандистом русского языка и культуры был также Генрих Вильгельм Лудольф (1655–1712), уже упомянутый ранее в связи с русской грамматикой («Grammatica russica», 1696). Лудольф, в частности, помог Лейбницу и пietetисту Герману Франке установить связи с Россией. Из работ, опубликованных в конце XVIII века, следует упомянуть изданное в 1798 году двухтомное сочинение Кристофа Майнера «Сравнение старой и новой России» («Vergleichung des ältern, und neuern Rußlandes»), в котором затрагиваются вопросы культуры и общественной жизни.

Благодаря публицистике в Германии стали известны и блестящие достижения молодой русской литературы, сформировавшейся лишь в XVIII веке. Важную роль в этом сыграл просветитель Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766), который проявлял большой интерес к развитию культуры и литературы в России и поддерживал многочисленные связи с русскими людьми и живущими в России немцами. Благодаря ему Лейпциг становится в XVIII веке одним из центров российско-немецкого культурного обмена, таким же как Галле, Йена и Рига. Из журналов, издаваемых Готтшедом, упоминания заслуживает прежде всего «Новое из области приятной учености» («Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit», 1751–1762), содержащий первый в Германии серьезный литературный разбор русской поэзии (U. Lehmann 1966). В этом журнале публикуются первые сочинения русских авторов, в частности переведенная Готтшедом сатира Кантемира

– одного из крупнейших представителей этого жанра в русской литературе, а также, после смерти Кантемира в 1744 году, эссе о жизни и творчестве этого поэта, рано ушедшего из жизни. На протяжении двенадцати лет было опубликовано в общей сложности тридцать две статьи и анонса о культурной жизни России, новых литературных произведениях (например, Сумарокова и Ломоносова) и новинках русской публицистики. Кроме того, в журнале помещались материалы о научной жизни в России, в частности об университетах.

Еще одной приметой большого интереса к России является необычайно полная информация о ней в «Универсальном лексиконе» Цедлера («Universal-Lexicon», 1732–1750). В этой энциклопедии на 66 ½ полосах (для сравнения: Англии отведены 26 ½ полосы, Франции – 10 ½, Италии – 4 ½) описываются географические особенности, население, государственное устройство, религия и история и – особенно подробно – современное состояние России.

Наряду с кругом Готшеда к России проявляют активный интерес и другие немецкие поэты, такие как Альбрехт фон Галлер, Карл Вильгельм Рамлер или Иоганн Петер Уц. Их литературные тексты, по большей части стихотворные, посвящены в первую очередь политическим событиям (например, Северной и Семилетней войнам) и правителям, таким как Петр I и Екатерина II. Преобладают хвалебные оды: Готшед пишет оду «Императору Петру Великому. Песнь» («Auf Kaiser Petern den Großen. Ein Gesang»,

1761), «Хвалебную и поминальную оду» на смерть Петра I («Lob- und Klage-Ode», 1725); Иоганн Готфрид Гердер посвящает Екатерине II «Хвалебную песнь в праздник Нового года» («Lobgesang am Neujahrsfeste», 1765); Иоганн Генрих Фосс адресует императору Александру I «Торжественную песнь немецких россиян» («Festlied der Deutschrussen», 1801). С начала 1760-х годов все большее внимание привлекают к себе и российские авторы. В 1768 году журнал «Новая библиотека изящных наук и свободных искусств» («Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste»), издаваемый просветителем Кристианом Феликсом Вейсе, представил биографии более сорока писателей под заголовком «Новости о некоторых русских писателях, а также краткое сообщение о российском театре» («Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, nebst einem kurzen Berichte vom russischen Theater»). В период между 1772 и 1789 годами историк, лингвист и переводчик Хартвиг Людвиг Кристиан Бакмейстер (1730–1806) публиковал в журнале «Русская библиотека для познания современного состояния литературы в России» («Die Russische Bibliothek, zur Kenntniß des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Rußland») детальные сведения о научных и поэтических сочинениях, изданных в России после 1770 года, например о трудах Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина. Бакмейстер, крупнейший посредник между немецкой и русской литературой в XVIII веке, дружил с историком Августом Вильгельмом Шлёцером, ко-

торый также жил и работал в России, и помог Клопштоку издать в России поэму «Мессиада». Своего рода продолжением «Русской библиотеки» стал выходивший между 1793 и 1796 годами «Журнал о России» («Journal von Rußland»), издателем которого был Иоганн Генрих фон Буссе (1763–1835).

Во второй половине XVIII века в немецкоязычном ареале появляется много переводов и рецензий на произведения Тредиаковского, Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и др., причем авторами этих переводов и рецензий нередко выступают видные писатели. О серьезном интересе к России и зарождающейся современной русской литературе свидетельствуют, например, некоторые сочинения Иоганна Готтфрида Зейме (1763–1810) и Августа фон Коцебу (1761–1819). Очевидно, что интерес именно к названным авторам диктуется жанровыми канонами эпохи Просвещения. Не соответствующие этим канонам очень популярные в России сочинения драматурга-сатирика Ивана Баркова или автора «срамных од» Александра Аблесимова не заинтересовали немецких переводчиков и рецензентов. Коцебу, который в начале XIX века снискал в Германии славу как автор комедий, а позднее подозревался в шпионаже в пользу России, не только многократно с восторгом отзывался о России в своих путевых очерках («Достопамятный год моей жизни» / «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens», 1801; «Воспоминания о путешествии из Лифляндии в Рим и Неа-

поль» / «Erinnerungen von einer Reise aus Liefland nach Rom und Neapel», 1805), но и перевел в 1793 году стихи Державина на немецкий язык. Зейме, некоторое время состоявший на русской службе, первым из немецких писателей попытался выявить специфические особенности русской литературы в сопоставлении ее с немецкой. Так, в хвалебном сочинении «О жизни и характере российской императрицы Екатерины II» («Über das Leben und den Karakter der Kaiserin von Russland Katharina II», 1797) он со знанием дела характеризует творчество таких русских авторов, как Херасков, Василий Петров, Сумароков, Карамзин и Державин. В социально-критическом путевом очерке «Мое лето 1805 года» («Mein Sommer 1805», 1806) Зейме не только обстоятельно описывает свое путешествие через Польшу и Балтию в Санкт-Петербург и Москву, но и оценивает потрясшие его социальные противоречия, высказывая свои мысли по поводу сложных отношений между властью и народом (Oellers 1987).

2.3. Основоположники историографии и философии истории: Шлёцер и Гердер

Шлёцер и Гердер, несомненно, были важнейшими и известнейшими пропагандистами русской культуры в XVIII веке. Их значение обусловлено, с одной стороны, интенсивностью и масштабом интереса к русской истории и литературе, а с другой стороны тем, что результаты их научно-исторической и культурно-философской деятельности повлияли на Россию и развитие ее культуры.

Август Людвиг Шлёцер

Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) и сегодня считается одним из лучших в XVIII веке знатоков российской и восточноевропейской истории, русского языка и древнерусской литературы (Winter 1961; Donnert 1985). Он был первым немцем, который попытался дать своим соотечественникам всеобъемлющее, разностороннее и в то же время систематически упорядоченное и научно обоснованное представление о России. Шлёцер, которого высоко ценил Гёте, но резко критиковали его коллеги-историки, начал изучать иностранные языки, учась в Виттенбергском и Геттинген-

ском университетах, и в возрасте 27 лет владел более чем дюжиной языков. В Геттингене он изучал прежде всего восточные, в том числе и славянские языки. Впервые приехав в Россию в 1761 году, он стал членом Петербургской академии наук в качестве историка, но уже вскоре начал активно заниматься исследованиями в области славянских языков. Итогом его научной деятельности явилось издание одного из первых немецко-русских словарей. Уже в 1770 году, т. е. в возрасте 35 лет, Шлёцер был признан одним из лучших знатоков Восточной Европы. Однако написанная им в 1764 году «Русская грамматика» вызывала из-за допущенных в ней ошибок разногласия с русскими и немецкими учеными, например с Герхардом Фридрихом Мюллером и Михаилом Ломоносовым, и не получила широкой известности, ее изданию постоянно что-то препятствовало. На полвека раньше такая же судьба постигла и спорные сочинения по истории русского языка берлинского педагога Иоганна Леонарда Фриша. Что касается Шлёцера, то, попытавшись рассмотреть русский язык в составе большой группы славянских языков, он ставил перед собой задачу не практического (способствовать овладению русским языком), а историко-филологического характера. То же относится и к его занятиям древнерусскими летописями, которые интересовали Шлёцера как историка и как специалиста по истории языка. В трактате «Размышления о способе трактовать русскую историю» («Gedanken über die Art, die russische Historie zu

traktieren», 1764) он видит свою задачу в том, чтобы включить историю России в общеевропейский контекст. Он содействует всестороннему изучению древних летописей, и первым привлекает внимание немцев к «Слову о полку Игореве». Между 1802 и 1809 годами Шлёцер издает пятитомный перевод «Повести временных лет» («Übersetzungen des russischen Chronisten Nestor bis zum Jahre 980») – труд, имевший эпохальное значение. Труды Шлёцера свидетельствуют о серьезном исследовании немецким ученым древнерусской литературы. В 1768 году выходит в свет «Опыт изучения русских летописей» («Proben russischer Annalen»), в котором Шлёцер излагает принципы изучения неопубликованных рукописей. Размышления о древнерусском языке и литературе, в частности в контексте классификации славянских народов, содержатся и в книге Шлёцера «Всеобщая история Севера» («Allgemeine Nordische Geschichte», 1771), где к «Северу» он относит не только Скандинавию, но и всю северо-восточную Европу, в том числе Россию, которая вплоть до середины XIX века считалась не восточно-европейской, а североевропейской страной.

В одном из своих последних трудов, «Истории Российской империи от ее основания до смерти Екатерины II» («HandBuch der Geschichte des Kaisertums Rußland vom Anfange des Stats, bis zum Tode Katharina der II», 1802), Шлёцер продолжает превозносить возможности русского языка и молодой русской литературы, предсказывая, что они зай-

мут достойное место среди великих европейских языков и национальных литератур. Кроме того, Шлёцер внес большой вклад в распространение сведений о России в немецкоязычном ареале не только как исследователь и издатель древнерусских летописей, но и как преподаватель Гёттингенского университета, а также как рецензент «Гёттингенских ученых ведомостей» («Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen»).

Иоганн Готтфрид Гердер

Еще большее значение для отношений между Россией и Германией имела деятельность Иоганна Готтфрида Гердера (1744–1803), в особенности благодаря его трудам по истории и философии культуры и сформулированной в них концепции «народного духа» и своеобразия каждого народа. Рассматривая исторический процесс, Гердер выходит за рамки Просвещения и пропагандирует идею особенной «физиономии» каждого народа.

Уже во второй половине 1760-х годов молодой Гердер задумывается о пробуждении культурного и исторического самосознания России. Свидетельством его раннего интереса к России являются и его стихотворения, посвященные Петру I и Екатерине II (например, «Хвалебная песнь в праздник Нового года» / «Lobgesang am Neujahrsfeste», 1764/1765), а также посвященные России фрагменты в «Журнале моего путешествия в 1769 г.» («Journal meiner Reise im Jahre 1769»,

издан в 1846). Изложенные в «Журнале» размышления о социальных и культурных особенностях России и об ее отношениях с Лифляндией представляют собой наброски к задуманному, но не осуществленному Гердером трактату под названием «Об истинной культуре народа, в особенности России» («Über die wahre Kultur eines Volkes und insonderheit Rußlands») (Keller 1987: 370 ff.). Аналогичные мысли встречаются позднее в статье о Петре I, опубликованной в 1802 году в журнале «Adrastea», но значительного места в творчестве Гердера эти работы все же не заняли.

Более значимым для пробуждения славянского, в том числе русского, самосознания стал вышедший в период с 1784 по 1791 год главный философско-исторический труд Гердера «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»). Интерес представляет прежде всего IV глава 16-й книги (1791), где в широком контексте излагается история славянских народов от их возникновения до Средних веков. Изложение истории сопровождается характеристикой славянских народов, которая основывается на сравнении их с немцами или германцами. Выдвигая «голубиную теорию», Гердер подчеркивает миролюбивый характер славян. В противоположность германцам они не искали приключений и войн, выступая прежде всего в качестве колонизаторов, а чужую страну и территорию занимали только в том случае, если она была незаселенной и пустовала. Подобный взгляд на вещи напоминает образ России

в стихах Флеминга, но у Гердера он обусловлен здесь не традицией, а влиянием Руссо. Характеристика славянских народов, данная Гердером, оказала в дальнейшем влияние, с одной стороны, на славянофильские взгляды XIX века (например, идея почвенничества Аполлона Григорьева и Достоевского, согласно которой славяне определяются как миролюбивый тип, а германцы – как кровожадный), а другой стороны, на некоторых немецких писателей XX века, увлекавшихся сравнением народов. Развертывая свою философию истории, Гердер намечает будущую роль славян в Европе и в мире. По его мнению, эта группа народов может достичь такого уровня развития, что будет играть ведущую роль в мировой культуре. Примечательно, что главную роль Гердер отводит Украине, поскольку она расположена на юге и может стать новой Грецией. Украинцы достигнут высшего уровня культурного развития благодаря прекрасному небу над головой, своему веселому нраву и музыкальности, а также плодородной земле, на которой они живут. Из множества мелких диких народов, какими когда-то были и греки, возникнет цивилизованная нация. На фоне культа античности в Германии XVIII века (самое позднее со времени распространения идей Винкельмана) сравнение с античной Грецией – знак чрезвычайно высокой оценки славянства.

Возвышению славян способствует и отводимая им у Гердера роль посредников между Азией и Европой. Согласно утопической идее Гердера, благодаря такому посредниче-

ству должно произойти обновление Европы и ее культуры, все человечество поднимется на более высокую ступень образования и гуманности. Несколько десятилетий спустя эта идея будет занимать важное место в философско-исторической концепции русских славянофилов, а на рубеже XIX–XX столетий войдет в мировоззрение Ницше, Рильке и некоторых представителей «консервативной революции».

Характеристика, которую Гердер дает славянским народам в так называемой «Славянской главе», а также его внимание к уникальной индивидуальности каждого из этих народов имели далеко идущие последствия. Разработанный Гердером исторический подход, учитывающий специфические особенности отдельных народов, имел существенное значение для формирования национального самосознания славян. Сочинения Гердера, посвященные народной поэзии и философии истории, быстро переводились на русский, польский и чешский языки, и вплоть до XX века к ним снова и снова обращались, в том числе западные и южные славяне, для того чтобы подчеркнуть свою национальную идентичность.

Тем самым Гердер стал не только одним из самых выдающихся и влиятельных мыслителей в истории Германии, но и сыграл очень важную роль в распространении славянской литературы. Издавая сборники народных песен, он впервые познакомил широкую немецкую публику со славянской и балтийской народной поэзией. В сочинении «Отрывок из пе-

реписки об Оссиане и песнях древних народов» («Auszug aus einem Briefwechsel über Ossian und die Lieder alter Völker», 1773) Гердер призывает собирать народные песни, и его призыв находит отклик не только у Гёте, но и у русских писателей 20-х и 30-х годов XIX века. Философско-историческая система Гердера, изложенная им в «Славянской главе», нашла свое отражение и в идеологии народничества, которая стала важным элементом многих эстетических и литературно-теоретических концепций не только в царской, но и в советской России.

3. Осторожное сближение в области литературной критики и поэзии между 1800 и 1885 годами

3.1. Исторический контекст

В начале XIX века начинается новый этап в отношениях между немецкоязычными странами и Россией. Сближение происходит как на политическом и общественном уровнях, так и в культурной сфере. Обусловлено оно было совместной борьбой против Наполеона, которую возглавила Россия, снискав себе на несколько лет славу и престиж «освободительницы Европы». Одно из подтверждений этому – щедрые восхваления России немецкими поэтами (например, «Сонеты в доспехах» / «Geharnischte Sonette» Фридриха Рюккерта, 1813). С этого времени в Германию приезжает большое количество молодых людей из России, интересующихся немецкой культурой и желающих получить образование в немецких университетах.

После Наполеоновских войн было заключено несколько важных договоров. Уже в ноябре 1813 года в коалицию с Россией вступают южно-немецкие государства Рейнского союза, а благодаря достигнутому во время Венского конгресс-

са (1814–1815) соглашениям Россия приобретает еще более сильное влияние в Центральной Европе. Парижские мирные договоры 1814 и 1815 годов, условия которых были выгодными для Франции и мало утешительными для разобщенных немецких государств, вызвали волну недовольства, прежде всего в националистически настроенных кругах немецкой общественности. Вопреки ожиданиям немцев, Россия выступила не как проводник немецких интересов, а как грозный политический соперник, что вызвало к ней недоверие и антипатию. Российская гегемония выражалась в том, что отошедшие к России после Венского конгресса польские области, несмотря на либеральные заявления, все больше и больше превращались в провинцию Российской империи. Изменить сложившееся положение не смогли даже восстания поляков в 1830 и 1863 годах, которые были жестоко подавлены. Спустя шестьдесят лет ситуация повторилась, но в зеркальном отражении: после победоносной войны с турками Россия посчитала себя незаслуженно обделенной на Берлинском конгрессе в 1878 году и возложила ответственность за это на Бисмарка, под председательством которого велись все переговоры.

Сильное влияние Россия приобретает и в связи с созданием «Священного союза», заключенного в 1815 году между Россией, Францией, Пруссией и Австрией с целью подавления либеральных настроений. После Тропаусского (1820) и Веронского (1822) конгрессов, а еще больше в эпоху прав-

ления Николая I (1825–1855) Россия стремится влиять на внутрисполитические процессы в Пруссии, Австрии и других немецких государствах. Это вмешательство, которое вновь было санкционировано подписанным в 1833 году Берлинским договором, достигло своего пика во время участия российских войск в подавлении революционного движения в Венгрии в 1848–1849 годах. С ролью «жандарма Европы» перекликается и целый ряд внутрисполитических ограничений в самой России. В 1825 году терпит крах восстание декабристов, организованное либерально мыслящими российскими офицерами, после чего начинается период, ознаменованный усилением цензуры, государственного контроля, репрессиями, деятельностью созданной в 1826 году тайной полиции («Третьего отделения») и идейно подкрепленный официальной «теорией народности» (самодержавие, православие и народность), которую провозгласил министр народного просвещения граф Сергей Уваров, известный также как почитатель творчества Гёте. Период сумерек культуры длится в России до середины XIX столетия.

Династические связи России с немецкими княжескими дворами в последующие десятилетия сохраняются и даже расширяются, прежде всего с Прусским, Саксен-Веймарским, Вюртембергским и Баденским. Николай I был женат на прусской принцессе, а в результате других брачных союзов на юго-западе Германии в течение XIX столетия возникли небольшие центры русской культуры, например в Штутт-

гарте, Карлсруэ, Баден-Бадене (где останавливались Тургенев, Достоевский и многие другие русские). С точки зрения истории литературы особое значение имел заключенный в 1804 году брак Карла Фридриха, наследного великого герцога Саксен-Веймар-Айзенахского, и великой княжны Марии Павловны, которая не только стремилась к диалогу с представителями литературных кругов Веймара, но и привезла с собой богатую библиотеку, составленную из сочинений русских писателей и ученых (U. Lehmann 1968: 434 ff.).

Российское правительство не раз пыталось воспользоваться этими многообразными связями, чтобы повлиять на общественное мнение о России в немецких государствах. Так, например, в Германии и Австрии печатались в переводе на немецкий язык статьи приближенных к российскому правительству журналистов. В этих статьях Россия представляла в образе друга, помощника и гаранта стабильности монархического строя. Кроме того, издавалась художественная проза и литературные критические статьи таких забытых сегодня авторов-консерваторов, как Фаддей Булгарин, Николай Греч и Осип Сенковский (псевдоним – Барон Брамбус). В 20-е и 30-е годы XIX столетия их сочинения пользовались популярностью не только в России, но и в странах немецкого языка, в частности благодаря их публикации в «Журнале иностранной литературы» («Magazin für die Literatur des Auslandes»). Именно этих авторов, а не Пушкина или Лермонтова долгое время считали главными пред-

ставителями современной русской литературы влиятельные немецкие критики вне зависимости от своих идеологических и политических настроений, например Вольфганг Менцель и Карл Гуцков. Популяризации в Германии названных писателей способствовал и журнал «Архив научных вестей о России» («Archiv für die wissenschaftliche Kunde von Russland», 1841–1867), а также Август фон Коцебу, который был не только известным драматургом, но и агентом русского правительства. Создавая свои многочисленные сочинения и выпуская газеты, например «Литературный еженедельник» («Literarisches Wochenblatt»), Коцебу действовал в интересах России. Общественная деятельность в пользу царской России стала еще более необходимой после публикации путевых записок маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839», 1843), в которых российское самодержавие было подвергнуто резкой критике и которые вызвали огромный резонанс в Европе.

Период реакционного правления и стагнации завершился для России с падением Севастополя и поражением в Крымской войне 1854–1855 годов, а также со смертью в 1855 году Николая I. Итоги этого периода были ужасающими: Россия потеряла свое влияние в Европе, стала восприниматься как «колосс на глиняных ногах», парализованный деятельностью некомпетентных, коррумпированных чиновников. Страну ослабляла отсталая экономика и возрастающее социальное напряжение, вызванное дебатами о крепостном

праве. Его отмена в 1861 году лишь частично улучшила положение крестьян. То же самое можно сказать и о преобразованиях в сфере культуры и образования. После ослабления цензуры стала зарождаться свобода слова, но недовольство студентов и беспокойство среди интеллигенции и писателей не исчезли, а после неудавшегося покушения на Александра II в 1866 году короткий период либерализации закончился. Вопреки, а может быть, и вследствие нестабильной политической и общественной обстановки культурная жизнь в России стала более оживленной, и в ее эпицентре возникла социально ангажированная и талантливая литература, ключевые фигуры которой – Пушкин, Лермонтов и Гоголь – стремительно приобрели известность в Германии.

Отношения России с Пруссией и Австрией оставались нестабильными и во второй половине XIX века, в целом они стали более дистанцированными, и с конца 1850-х годов Россия начала сближение с Францией. Унизительные последствия Крымской войны, разочарование из-за недостаточной поддержки со стороны немецких государств и удар по имиджу страны, нанесенный в 1863 году после подавления восстания в Польше, – все это лишь усилило существовавшие в России предубеждения против заграницы, в том числе и в сфере культуры. Эти предубеждения способствовали обращению к ценностям славянства, усилили националистические умонастроения, идейно обоснованные воинствующими сторонниками славянофильства и панславизма (Иваном

Аксаковым, Юрием Самариним, Николаем Данилевским и др.). В 1860–1870-х годах эту позицию разделяет, например, Достоевский, утверждающий ее в письмах (Аполлону Майкову) и эссеистике («Дневник писателя»). Не в последнюю очередь под влиянием своего друга и сотрудника Аполлона Григорьева (1822–1864) Достоевский отчетливо формулировал идеи почвенничества.

Со стороны Германии отношения с Россией также складывались по-разному. На политическом уровне, в том числе вследствие уже упомянутых династических браков, было заключено несколько союзов, особенно Пруссией, которая в 1830 году подписала с Россией договор о выдаче политических преступников. Правящие круги Пруссии и Австрии привлекали Россию для защиты существующего общественного и политического уклада, хотя защита эта была сопряжена с унижительным вмешательством России в их внутреннюю политику, например во время революции 1848–1849 годов или при заключении в 1850 году при посредничестве России Ольмюцкого соглашения между Пруссией и Австрией, которое противоречило интересам Пруссии. Но и после этого Россия осталась важным союзником Пруссии. Без молчаливого согласия русского правительства едва ли стало бы возможным основание в 1871 году Германской империи.

Сложные, но тесные политические отношения оказали несомненное влияние на образ России в прессе и литературе. Консервативное общественное мнение формировали,

например, уже упомянутые Коцебу, Булгарин, которые пропагандировали взгляды российских властей. Но из-под пера консервативной интеллигенции выходили и независимые тексты, в которых предпринималась попытка дать объективную оценку русской действительности. В этой связи следует назвать сочинение Иоганна Фридриха Эрдмана «Заметки к познанию внутреннего мира России» («Beiträge zur Kenntnis des Innern von Rußland», 1822, 1825, 1826), заметки Густава Розе о путешествии Александра фон Гумбольдта по России в 1829 году «Минералогически-геогностическое путешествие на Урал, Алтай и на берега Каспийского моря» («Mineralogisch-geognostische Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere», 1837–1842), а также трехтомный труд барона Августа Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» («Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands», 1847–1852). В своем исследовании барон Гакстгаузен, который приходился дядей знаменитой поэтессе Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф, детально анализирует социальную организацию «мира» – русской крестьянской общины (Kux 1992, Schmidt 1992).

Либеральная Германия, напротив, на протяжении первой половины XIX века весьма критически отзывалась о политических и социальных условиях в России. Жестокое подавление восстания в Польше в 1830–1831 годах и вторжение

русских войск во время революции 1848–1849 годов вызвали у немецкой литературной общественности резко отрицательную реакцию, которая нашла отражение в текстах Георга Гервега, Августа фон Платена, Фридриха Августа фон Штегеманна, Августа Генриха Гоффмана фон Фаллерслебена и др. Нападки либерального лагеря усилились во время Крымской войны 1854–1855 годов, которую некоторые авторы, возрождая старую традицию, представляли как борьбу цивилизованной Европы против жестокой, варварской, «азиатской» России. Кроме того, с 1840-х годов Россия открыто выступала против объединения Германии и потому вызывала к себе ненависть со стороны многих националистически настроенных немцев. Но откровенный страх перед могущественным и непредсказуемым соседом не мог сдержать постоянно растущий интерес к русской литературе, которая все чаще становится не только предметом критической дискуссии и эстетического анализа.

3.2. Русская поэзия в немецкоязычной художественной и критической литературе в первые две трети XIX столетия

3.2.1. Русские посредники

Несмотря на все старания, предпринятые в XVIII веке немецкими и российскими просветителями, в начале XIX века Россия по-прежнему остается для большинства западных европейцев, в частности немцев, *terra incognita*, особенно ее культурная жизнь и литература. Ситуация меняется после окончания Наполеоновских войн, когда появляется все больше и больше публикаций о России, ее жителях, общественных отношениях и культуре. Нередко авторами этих публикаций являются немцы, в том числе прибалтийские.

Важными распространителями сведений о России были многочисленные русские поэты и философы, которые приезжали в Германию на учебу или на службу, например шеллингианец Степан Шевырев (1806–1864), поэты-романтики Вильгельм Кюхельбекер (1797–1846) и Федор Тютчев (1803–1873), из которых последний долгое время служил дипломатом в Мюнхене и был дружен с Шеллингом, рево-

люционный писатель и публицист Александр Герцен (1812–1870), скрывавшийся от преследований царского правительства. Благодаря своим обширным связям в литературных кругах они способствовали распространению всеобъемлющих сведений о русской культуре и литературе. Особенно важную роль сыграли в этом отношении Николай Карамзин, Василий Жуковский и Иван Тургенев.

Николай Карамзин

Как уже упоминалось выше, путевые очерки являлись одной из главных форм международного культурного обмена. С конца XVIII до конца XX веков русские и немецкие литераторы публиковали свои, нередко обладавшие высокими художественными достоинствами, путевые отчеты о России и Германии. Своего пика литература путешествий достигла в 20-е годы XX века.

Одним из первых путешествующих писателей был крупнейший представитель русского сентиментализма, поэт и историк Николай Карамзин (1766–1826). Уже в годы студенчества он общался с немцами, в частности с Якобом Михаэлем Рейнхольдом Ленцем, который с 1781 года жил в Москве и занимался переводами русской литературы на немецкий язык (первых пяти песен эпоса Михаила Хераскова «Россияда»). Ленц познакомил юного Карамзина с творчеством Руссо и Шекспира, а также с современной немецкой литера-

турой. По совету Ленца Карамзин отправился в путешествие по Европе (1789–1790), во время которого он посетил ведущих поэтов и философов Германии и обратил их внимание на зарождающуюся русскую литературу. Карамзин встречался с Карлом Вильгельмом Рамлером, Фридрихом Николаи, Кристианом Феликсом Вейсе, Иммануилом Кантом, Карлом Филиппом Морицем, Кристофом Мартином Виландом Иоганном Готтфридом Гердером. Свои встречи он описал в «Письмах русского путешественника», которые были опубликованы в 1791–1792 годах в «Московском журнале» и уже в 1799 году переведены на немецкий язык Иоганном Готтфридом Рихтером (1763–1829). «Письма» стали одним из самых выдающихся текстов европейской путевой прозы и уже в год своего выхода в свет получили положительный отзыв Виланда в «Новом немецком Меркурии». Не в последнюю очередь благодаря своим многочисленным знакомствам Карамзин стал первым русским литератором, которого заметили в Германии, и первым русским писателем, произведения которого неоднократно и относительно быстро переводились на немецкий язык.

Василий Жуковский

Еще более значимым посредником между немецкой и русской литературами был поэт и переводчик Василий Жуковский (1783–1852). Один из родоначальников новой русской

литературы, Жуковский придал поэтическому языку плавность и мелодичность. Без него невозможно помыслить себе развитие русской поэзии от романтизма к символизму. Во многом благодаря его переводам на русский язык в России утвердились такие поэтические жанры как элегия и баллада.

На протяжении всей своей жизни Жуковский активно интересовался немецкой литературой и литературной критикой. Уже в возрасте 22 лет он перевел на русский язык отдельные части «Очерков теории и литературы изящных искусств» («Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften», 1783) Иоганна Иоахима Эшенбурга, а впоследствии стал крупнейшим в XIX веке русским переводчиком немецкой поэзии (произведений Кристиана Генриха Шписа, Готтфрида Августа Бюргера, чью «Ленору» он трижды перерабатывал, Иоганна Петера Гебеля, Иоганна Вольфганга Гёте, Фридриха Шиллера, Людвига Уланда, Фридриха Рюкерта и др.). Кроме того, он переводил и поэтов эпохи бидермайера, таких как Франц Грильпарцер, Николаус Ленау, Анастасиус Грюн. Первые личные встречи Жуковского с немецкими писателями и художниками состоялись около 1800 года в Москве, затем контакты продолжились в период с 1815 по 1817 год в Дерпте, и, наконец, заключив брак с дочерью своего друга Вильгельма фон Ройтерна, Жуковский переехал сначала в Дюссельдорф (1841), а потом в Баден-Баден, где и жил до самой смерти. У Жуковского были обширнейшие связи в культурных и общественных

кругах России и Германии, он дружил с такими выдающимися русскими поэтами, как Карамзин, Пушкин и Лермонтов, был знаком с Гёте и многими немецкими поэтами и художниками-романтиками, имел влияние при царском дворе, являясь воспитателем цесаревича. Особенно важную роль в популяризации русской литературы играли поездки Жуковского в Германию (в 1821, 1827, 1838, 1840 годах). В 1821 году он сопровождал наследника российского престола Николая Павловича (Жуковский был учителем русского языка у его супруги Фридерики Луизы Шарлотты Вильгельмины, которая была родом из Пруссии, и наставником будущего императора Александра II). В первой половине XIX века Жуковский был единственным русским, который был лично знаком с таким количеством величайших немецких деятелей культуры и науки и, по словам Гёте, обращенным к российскому государственному советнику Николаусу Борхардту в письме от 01.05.1828, познакомил их с достоинствами русской поэзии, ее «высокой эстетической культурой». Огромное впечатление Жуковский произвел не только на Гёте, но и на Людвиг Тика, Сюльписа Буассере, Вильгельма фон Гумбольдта, Карла Густава Каруса, Юстиниуса Кернера и художника Каспара Давида Фридриха, о чем свидетельствуют их письма.

Иван Тургенев

Необычайно важная роль в истории литературного обмена между Германией и Россией принадлежит писателю, который по-прежнему пользуется широкой известностью, – Ивану Сергеевичу Тургеневу (1818–1883). Тургенев чувствовал настолько сильную близость к немецкой культуре, философии и литературе, что в предисловии к первому тому своих «Избранных сочинений» на немецком языке, вышедших в 1869 году, он назвал Германию своей второй родиной. С 1838 по 1841 год Тургенев учился в Берлинском университете, несколько лет прожил в Баден-Бадене, писал стихи («Немец») и вел переписку на немецком языке (с Беттиной фон Арним, Паулем Хейзе, Юлиусом Роденбергом и своим многолетним другом, художником и писателем Людвигом Пичем), был знаком с огромным количеством поэтов, переводчиков, литературных критиков и художников; кроме уже перечисленных в круг знакомых Тургенева входили Эдуард Мёрике, Теодор Шторм, Густав Фрейтаг, Бертольд Ауэрбах, Фридрих Боденштедт, Людвиг Фридлендер, Пауль и Рудольф Линдау, Адольф Менцель. Кроме того, в своих художественных и литературно-критических сочинениях, например в рассказе «Фауст», повести «Дворянское гнездо», стихотворениях в прозе «Senilia», опубликованной в 1845 году в «Современнике», в рецензии на «Фа-

уста» Гёте Тургенев активно обращается к немецкой литературе и философии. Контакты Тургенева с его немецкими современниками осуществлялись в разных формах, среди которых и личные встречи (с Теодором Штормом, Эдуардом Мёрике, Бертольдом Ауэрбахом), и переписка с поэтами (Хейзе, Штормом), издателями, влиятельными критиками (Юлиусом Роденбергом, Георгом Фридлиенлером и Юлианом Шмидтом). Благодаря тесным связям с ведущими деятелями немецкоязычных литературных кругов Тургенев был хорошо осведомлен о многообразной рецепции русской литературы в Германии. Как свидетельствуют его письма литературному критику Юлиану Шмидту или близкому другу Людвигу Пичу, он пристально следил за этой рецепцией и не раз пытался повлиять на то, как воспринимаются немецкими читателями его собственные произведения и сочинения других русских писателей. Так, например, в письме от 03.06.1869 он просит Пича написать об «Отцах и детях» так, чтобы это соответствовала его собственному взгляду на свой роман, в 1881 году посылает влиятельному издателю журнала «Гренцботен» («Grenzboten») Шмидту роман Толстого «Война и мир» с рекомендательным письмом. Шмидту он постоянно отправлял немецкие и французские переводы собственных произведений, так как ему была очень важна их литературно-критическая оценка. «Сочинение Ю. Шмидта обо мне («Iwan Turgenjew» в журнале «Preußische Jahrbücher» 1868. – *Примеч. Ю. Л.*) – несомненно, самое луч-

шее, что написано о моей скромной персоне, и я очень благодарен ему», – пишет Тургенев Пичу в письме от 17.10.1868. В упомянутом эссе Шмидт называет Тургенева писателем, которому нет равных в Европе по силе поэтического таланта. О том, что Тургенев сознательно и активно взял на себя роль литературного посредника, свидетельствуют многие из его писем коллегам по перу и критикам. Так, в письме Морицу Некеру от 16.04.1879 он пишет, что видит свою важнейшую писательскую задачу в том, чтобы ближе познакомить европейцев с Россией. В его письмах к писателям, критикам и издателям наряду с упомянутыми литературными рекомендациями обнаруживаются и разнообразные сведения о культурной и общественной жизни России.

Произведения Тургенева очень быстро переводились на немецкий язык. Благодаря «Запискам охотника» он моментально получил известность в Европе, прежде всего во Франции и Германии. «Записки охотника» были переведены на немецкий язык Августом Видертом в том же 1852 году, когда были изданы в России (сначала перевод появился в газетах и журналах, в 1854 году первая часть вышла отдельной книгой; вторая часть была издана в 1855 году в переводе Августа Больца, содержащем ошибки). Необычайную популярность у немецких читателей приобрело двухтомное издание рассказов Тургенева в переводе Фридриха Боденштедта (1864–1865). С конца 1860-х годов каждое издательство считало своим долгом опубликовать на немецком язы-

ке какого-нибудь русского автора – и по возможности Тургенева, – невзирая на конкуренцию с другими издательствами. Так, в 1877 году, спустя всего несколько месяцев после публикации в России романа «Новь», один за другим появились пять его немецких переводов. Переводить Тургенева брались многие: наряду с компетентными Вильгельмом Вольфсоном, Вильгельмом Хенкелем, Боденштедтом или Видертом и Морицем Гартманом, которых очень высоко ценил сам Тургенев, авторами переводов значатся Генрих Боде, Мари фон Пецольд, Леопольд Кейсслер, Эдуард фон Унгерн-Штернберг, Клэр фон Глюмер, Вильгельм Ланге, Генрих фон Ланкенау и др. Тургенев внимательно следил за переводами своих произведений на немецкий язык, в его письмах часто можно встретить жалобы на неточности при переводе, например романа «Отцы и дети», изданном в составе собрания сочинений издательством «Mitau» в 1869 году. Переводческие ошибки возникали в результате недостаточного владения русским языком, а также оттого, что целый ряд произведений, например «Отцы и дети» и повести, переводились на немецкий язык не с оригиналов, а с французских переводов. Так, Фридрих Шпильгаген перевел в 1861 году «Дневник лишнего человека» с французского перевода. Известен курьезный случай, когда повесть «Странная история» вышла в немецком переводе уже в 1869 году, т. е. еще до первой ее публикации на русском языке, которая появилась в «Вестнике Европы» лишь годом позже,

в 1870 году. Очевидно, что этот курьез объясняется ошибочной датировкой: в действительности и немецкий текст появился лишь в 1870 году (в выпуске 1/2 журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft», издаваемого Роденбергом). Внушительное количество переводов свидетельствует о большой популярности Тургенева в Германии, где с середины 1870-х до середины 1880-х годов он был самым известным русским прозаиком. Еще и в 1890 году критик Виктор Хен констатирует «культ Тургенева» в Германии, а один из рецензентов «Журнала иностранной литературы» («Magazin für die Literatur des Auslandes») писал в 1877 году, что издатели и переводчики неистово набрасываются на все сочинения Тургенева (Dornacher 1983: 87). «Записки охотника» и романы «Отцы и дети», «Дым», «Новь» принесли Тургеневу славу компетентного «биографа русского народа» и надежного информатора о культурных и общественных условиях и тенденциях в России. Благодаря своему «мягкому юмору», о котором писал, в частности, Шмидт, мастерству лирического пейзажа и тонкого психологического портрета Тургенев оказался близок немецкому «поэтическому реализму», в особенности творчеству Теодора Шторма, которого он нередко напоминал немецким читателям и критикам. Этнографические описания в «Записках охотника» вызывали в памяти ключевой для становления немецкого реализма жанр деревенского рассказа (Dorfgeschichte). Не случайно одним из важнейших собеседников Тургенева был Бертольд Айэр-

бах (1812–1882), самый значительный автор немецких деревенских рассказов. Литературное влияние Тургенева испытали прежде всего Фонтане и некоторые поздние реалисты, например Леопольд фон Захер-Мазох и Мария фон Эбнер-Эшенбах. В начале 1880-х годов интерес к творчеству Тургенева начинает угасать, предметом многочисленных литературно-критических статей оно становится еще раз лишь в связи с кончиной писателя в 1883 году (наряду с некрологами следует упомянуть литературоведческое исследование Ойгена Цабеля «Iwan Turgenjew. Eine literarische Studie», 1884). С 1885 года главными представителями современной русской литературы начинают считать в Германии Толстого и Достоевского.

3.2.2. Немецкие посредники и источники сведений о русской литературе

Важнейшую роль в распространении русской литературы играли составители антологий, переводчики и литературные критики. Из антологий русской литературы в первую очередь необходимо назвать сборники Джона Бауринга и Карла Фридриха фон дер Борга. «Российская антология» Бауринга (1821–1823) включает в себя переведенные на английский язык произведения XVIII и начала XIX веков. Наряду с шестью народными песнями в нее вошли произведения Державина, Жуковского, Карамзина, Богдановича, Боброва, Хем-

нищера, Крылова, Нелединского-Мелецкого, Кострова, Давыдова, Батюшкова и Ломоносова. Издатель и переводчик Бауринг снабдил антологию вступительной статьей и комментариями. Его антология по праву может рассматриваться как первый опыт ознакомления с русской поэзией читателей за пределами России.

Сборник Карла Фридриха фон дер Борга «Поэтические опыты русских» («Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch», 2 Vde., 1820/1823) представлял немецким читателям, кроме народных песен и стихов русских поэтов XVIII века в переводе Борга (Крылова, Державина, Сумарокова, Ломоносова, Дмитриева), произведения современных авторов, таких как Карамзин, Батюшков, молодой Пушкин. Собрание фон дер Борга было наиболее полной на тот момент антологией русской поэзии в Германии, но содержало меньше сведений и комментариев, чем антология Бауринга.

Заслуживает упоминания и сборник Генриха фон Буссе «Князь Владимир и его рыцари круглого стола. Древнерусские былины» («Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder», 1819), а также сборник Петера Отто фон Гёце «Голоса русского народа в песнях» («Stimmen des russischen Volks in Liedern», 1828), название которого вызывает в памяти знаменитое собрание народных песен Гердера. Антология фон Гёце примечательна не только компетентной подборкой текстов различных жанров, но и серьезной вступительной статьей, а также комментариями, в ко-

торых подчеркиваются стилистические и тематические особенности песен.

Наряду с упомянутыми сборниками лирических произведений с 1830 года выходили и антологии прозаических текстов, например сборник Антона Дитриха «Русские народные сказки, собранные в первоисточниках и переведенные на немецкий язык» («Russische Volksmärchen, in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt», 1831), «Подснежники» («Schneeglöckchen», 1831) Августа фон Ольдекопа, «Северные цветы» («Nordische Blüten», 1837) Эдуарда фон Ольберга, «Исторические и романтические рассказы, события и очерки» («Historische und romantische Erzählungen, Begebenheiten und Skizzen», 1838) Фридриха Тица, «Русские истории» («Russische Geschichten», 1846) Августа Левальда, рассказы, изданные в 1863 году Генрихом Мюллером под заголовком «Из русской народной жизни» («Aus dem russischen Volksleben»). Значительную роль в распространении прозаических произведений, которые читают и сегодня, сыграла изданная Робертом Липпертом в 1846–1847 годах «Книга северных повестей» («Nordisches Novellenbuch»), включавшая тексты Пушкина, Бестужева (под псевдонимом Марлинский), Одоевского, Гоголя, а также антологии, составленные Вильгельмом Вольфсоном, – «Русские новеллисты» («Rußlands Novellendichter», 3 Bde., 1848/1851) и «Рассказы из России» («Erzählungen aus Rußland», 1851).

3.2.3. Переводчики

Важнейшая роль в распространении русской литературы за рубежом, несомненно, принадлежит переводам. С начала 30-х годов XIX века активно переводятся художественные произведения современных русских авторов, в частности Пушкина и Гоголя. Качество переводов изначально оставляло желать лучшего, часто недостаточное знание переводчиками русского языка приводило к курьезным ошибкам, как, например, в случае с зачином Пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Строчка «У лукоморья дуб зеленый» была переведена на немецкий следующим образом: «Am Zwiebelmeer stand eine grüne Eiche» (У Лукового моря стоял дуб зеленый), так как переводчик ошибочно понял слово «лукоморье» как сложное слово, образованное соединением основ «лук» (Zwiebel) и «море» (Meer). Однако и в первой половине XIX века были прекрасные переводчики, великолепно знающие русский язык и обладающие поэтическим даром. Они способствовали адекватной рецепции переводимых ими текстов в Германии и Австрии.

Каролина Павлова

Одной из таких переводчиц была Каролина Павлова, урожденная Яниш (1807–1893). Дочь обрусевшего немца,

профессора Московского университета, Павлова выросла билингвом. С 1837 по 1853 год она была замужем за литературным критиком и писателем Николаем Павловым (1803–1864) и с ранних лет была лично знакома с выдающимися русскими писателями и поэтами своего времени, такими как Пушкин, Веневитинов, Баратынский, Вяземский, Языков, Фет, а также с крупными литературными критиками и философами, например с Киреевским, Константином Аксаковым, Хомяковым и Шевыревым. Кроме того, ее связывала близкая дружба с Адамом Мицкевичем – самым значительным польским поэтом XIX века, который посвятил ей несколько стихотворений, так же как и Николай Языков (1803–1846). Великолепно владевшая обоими языками, вовлеченная в литературную жизнь России, Павлова становится в 30–40-е годы XIX столетия знатоком и распространителем русской литературы в Германии и немецкой – в России (переводила на русский Шиллера). Важное значение для рецепции русской литературы в Германии имела антология «Северное сияние. Опыты современной русской литературы» («Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Literatur», 1833), в которую Павлова включила наряду с собственными стихами переводы из Жуковского, Пушкина, Языкова и некоторых романтиков. Впервые переводы с точки зрения их художественных достоинств соответствовали оригиналам, Александр фон Гумбольдт высоко ценил творчество Павловой и не раз воодушевлял ее на переводческую дея-

тельность. Но, несмотря на его покровительство, несмотря на появление все новых переводов (например, драм А. К. Толстого, который, в свою очередь, посвятил ей двенадцать стихотворений на немецком языке), несмотря на публикацию собственных поэтических произведений, Павлова еще при жизни оказалась в забвении. Лишь спустя столетие после ее смерти ее творчество заново было открыто символистами. Высокий художественный уровень ее переводов особенно ясно обнаруживается в сопоставлении их с банальными и неточными переводами Фридриха Тица (1803–1879), которые появились в то же время. Тиц был хорошо известен в середине XIX столетия как автор путевых очерков о России «Пестрые очерки с Востока и Юга. Сочиненные и собранные в Пруссии, России, Турции, Греции, на ионических островах и в Италии Ф. Тицом» («Bunte Skizzen aus Ost und Süd. Entworfen und gesammelt in Preußen, Rußland, der Türkei, Griechenland, auf den ionischen Inseln und in Italien von F. Tietz», 1838).

Вильгельм Вольфсон

Более плодотворными оказались усилия Вильгельма Вольфсона (1820–1865) и Фридриха Боденштедта (1819–1892). Переводчики, публицисты и литературные критики, оба они впервые представили произведения русских авторов широкой читательской аудитории.

Карл Вильгельм Вольфсон был родом из осевшей в России ортодоксальной еврейской семьи немецкого происхождения. Он родился 20.01.1820 в Одессе, окончил там еврейскую гимназию, получив хорошее образование в области иностранных языков (немецкий, русский, французский, древнееврейский), литературы, гуманитарных и естественных наук. Дополнительно он брал частные уроки греческого и латыни. В 1837 году Вольфсон отправился в университет Лейпцига, чтобы изучать там медицину, но из-за возникших финансовых трудностей отказался от этой идеи и начал изучение философии и филологии, которое завершил в 1842–1843 годах диссертацией «Изящная словесность у русских» («Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen»). Эта диссертация была первым в Германии фундаментальным научным исследованием современной русской литературы, снабженным антологией произведений русских авторов. В Лейпциге он впервые встретился в 1841 году со своим ровесником Теодором Фонтане. Эта встреча состоялась в так называемом «клубе Гервега» – обществе демократически настроенных студентов, на собраниях которого обсуждались литературные и политические проблемы (Schultze 1963a: 1988). Уже во время своего пребывания в Лейпциге Вольфсон начинает активную публицистическую, поэтическую и переводческую деятельность. После 1843 года он продолжает ее уже в других местах, читает в России (где он первым познакомил читателей с творчеством Фонтане) и Герма-

нии доклады о русских писателях, сочиняет стихотворения и драмы, издает серьезные журналы, например «Deutsches Museum», переводит множество произведений современных ему русских авторов (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Тютчева, Павлова и др.). Благодаря этой деятельности, а также своим статьям о русских писателях и о литературной жизни в России Вольфсон становится одним из крупнейших распространителей русской литературы в Германии середины XIX века. При этом он ведет кочевой образ жизни, из-за своего происхождения нигде не может найти постоянного места работы, так как ни одно из немецких княжеств не хочет предоставить ему гражданство без разрешения на эмиграцию от Российского государства. Его попытки жениться на христианке увенчались успехом лишь после одиннадцатилетней помолвки, когда он добился гражданства в Дессау. После долгих скитаний по России и Германии ему удалось в начале 1850-х годов обосноваться с семьей в Дрездене, где он благодаря своей дружбе с такими уважаемыми немецкими авторами, как Бертольд Ауэрбах и Отто Людвиг, развернул бурную издательскую и переводческую деятельность, особенно в издаваемых им журналах «Russische Revue» и «Norddeutsche Revue». Широкой известностью пользовались его публичные лекции о немецкой и русской литературе, на которые собиралось до 500 слушателей. Но его посвященные русским темам поэтические произведения, например драма «Царь и гражданин» («Zar und Bürger», 1845)

или «Лишь одна душа» («Nur eine Seele», 1857), не нашли широкого признания и были справедливо забыты. Вольфсон был также пропагандистом еврейской культуры: например, он выпустил под псевдонимом Карл Майен альманах «Йешурун» («Jeschurun. Taschenbuch für Schilderungen und Anklänge aus dem Leben der Juden», 1841). И в этом случае он руководствовался стремлением сблизить различные культуры и религии – иудейскую и христианскую, посредством перевода преодолеть границы. Вильгельм Вольфсон скончался 18.08.1865 в Дрездене на 46-м году жизни. Причиной смерти стала продолжительная болезнь.

Вольфсона можно считать первым распространителем русской литературы в Германии и немецкой литературы в России, который обладал профессиональной подготовкой в области философии и литературоведения. На протяжении всей своей жизни Вольфсон изучал историю литературы и культуры. Результаты его исследований заложили прочный эстетический и мировоззренческий фундамент, на который он опирался как автор поэтических и литературно-критических сочинений, а также работ по теории перевода. С него начинается важная линия в рецепции русской литературы. Ее особенность заключается в том, что русская литература воспринимается в контексте определенной мировоззренческой концепции, которая, с одной стороны, диктует характер восприятия, а с другой – сама модифицируется и развивается под их воздействием. Кульминацией этого развития ста-

ла новая, эстетически окрашенная формулировка славянофильских идей в творчестве Райнера Марии Рильке в 1900-е годы и рецепция произведений Толстого и Достоевского в конце XIX и первой трети XX века.

Очевидно, что позиция Вольфсона была сформирована Гаскалой – еврейской разновидностью Просвещения, но в первую очередь – философией немецкого идеализма и пониманием искусства в немецкой классической философии. Об этом свидетельствует восходящая к Гёте морфологическая концепция этапов (зарождение, развитие, зрелость), которые проходит как отдельное художественное произведение, так и литература в целом, а также восходящее к классике представление о просветительской, гуманистической роли искусства. Кроме того, в рассуждениях Вольфсона чувствуется восходящее к Гёте понимание мировой литературы, согласно которому она представляет собой не сумму отдельных произведений, а то начало в каждой национальной культуре, благодаря которому она выходит из изоляции и вступает во взаимосвязь с другими национальными литературами. Согласно Вольфсону, в установлении взаимосвязи между национальными литературами и состоит благородная задача переводчика. В определении этой задачи Вольфсон также проявляет себя как ученик Гёте, размышляя, например, о свойствах немецкого языка, делающих его особенно пригодным для перевода. По этому поводу Вольфсон писал в одной из статей для журнала «Russische Revue»: «Есть язык,

который может передать максимальное количество национальных особенностей. Тот факт, что немецкий язык способен на это, как ни один другой, не оспорит никто из наших противников» («Russische Revue. Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Rußland», 1863). В предисловии к первому выпуску «Russische Revue» Вольфсон прославляет немецкий язык, называя его испытанным проводником «самых возвышенных гуманистических идей ... в любой части Старого и Нового Света».

Близость к немецкой классике Вольфсон демонстрирует также, выбирая эпиграфы. Многим его сочинениям предпосланы цитаты из Гёте и Шиллера, которые служат не украшению этих сочинений, а настраивают читателя на аргументацию в стиле немецкой эстетики 1800-х годов. Именно по этой причине Вольфсон занимает особое место среди распространителей русской литературы XIX века: опора на философию искусства, которая долгое время определяла немецкий научный дискурс, придавала его подходу к русской литературе, его суждениям о ней и переводам особую убедительность.

Идеи Вольфсона формировались, в частности, под влиянием трудов Гердера, Гегеля и Шеллинга. О близости Вольфсона к Шеллингу и Гегелю свидетельствуют его высказывания об истории, природе, обществе и искусстве как манифестациях Абсолютного духа, который разворачивается и объективизируется как в образе отдельных народов, обладаю-

щих каждый своими локальными, историческими, социальными и культурными особенностями, так и в определенных формах искусства.

Основные идеи немецкого идеализма Вольфсон модифицирует с учетом его русской разновидности – концепции народности, которая существенно повлияла на эстетические и историко-философские дискуссии в России, имевшие место с 30-х годов XIX века и до периода социалистического реализма в XX веке. Здесь невозможно изложить ее во всех деталях. Важным в контексте наших изысканий является то обстоятельство, что согласно данной концепции вышеназванные объективации духа, т. е. народ и искусство, оказываются тесно взаимосвязанными, т. к. согласно немецкой идеалистической философии искусство, в том числе и литература, является выражением индивидуальности народа. Вольфсон пишет в своем эссе о Пушкине (1848): «Искусство есть то общее, что кроется в отличительных чертах всех народов. Поэт выполняет свое высокое призвание, если его поэзия становится даром всему миру; но он может выполнить это призвание только в том случае, если национальный дух достигнет в нем своего полнейшего развития. Чем выше и полнее это развитие, тем больше общечеловеческого оно несет в себе» («Rußlands Novellendichter», Bd. 1, 1848). В этом смысле Пушкин оказывается в одинаковой степени и национальным поэтом, и именно поэтом поэтом мирового значения. Концепция реализма, которую разделя-

ет Вольфсон, родственна теории «идеал-реализма» его друга Отто Людвига. Она требует, чтобы искусство точно отражало действительность, но изображение действительности не должно быть при этом натуралистической иллюстрацией, сквозь нее должен просвечивать художественный смысл произведения. Таким образом, Вольфсон подчеркивает, что искусство способно возводить изображаемые им реальные исторические и социальные факты к объединяющему и обуславливающему их целому, к историческим и социальным закономерностям. Из функции познания мира проистекает специфическое право искусства силой воображения раскрывать возможность совершенствования выявленных закономерностей. Именно эстетическая концепция «идеал-реалистического искусства», которая «вместо того, чтобы из идеи выводить явление, выводит идею из явления» («Culturbriefe III» // *Leipziger Zeitung*, 01.02.1857), повлияла на исходные положения уже упомянутой диссертации Вольфсона. Русская литература предстает в ней не как собрание отдельных текстов разных авторов, а как органическое, постоянно развивающееся целое, вершиной которого на тот момент был Пушкин. Теорию идеал-реализма Вольфсон отстаивал до конца жизни. В 1857 году, например, он жаловался на начавшееся в 1830-е годы угасание так называемого «эстетического периода» (*Kunstperiode*), который уступил место «газетной поэзии журналистов» («Culturbriefe I» // «*Leipziger Zeitung*», 04.01.1857). Одновременно – что также говорит о

широте его кругозора – в своих компаративистских работах Вольфсон обращает внимание на влияние раннего азиатского искусства на греческую античность, культуры ближнего Востока – на историю западноевропейского христианского гуманитарного знания, индийской и арабской малой прозы – на европейскую новеллу («Zur Novellenliteratur Europas», в: «Deutsches Museum», 1860).

Описанные выше литературно-эстетические концепции важны потому, что они послужили основой и предпосылкой для серьезной теоретической рецепции русской литературы, которая продолжительное время влияла на творчество лучших немецких писателей, например Т. Фонтане. Преподнося и интерпретируя русскую литературу с точки зрения немецкой классической философии и немецкой идеалистической эстетики, Вольфсон облегчает ее рецепцию для тех, кто был воспитан на немецкой классике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.